

Новая
драма

Шестеро ПРОТИВ Шекспира

Печальные комедии
современности

Ксения
Дразуцкая

Александр
Виногарский

Игорь
Артемьев

Виктор
Шендерович

Василий
Товстополов

Елизавета
Косарева

Елизавета Д. Комарова
Василий Александрович Товстоногов
Ксения Викторовна Драгунская
Виктор Анатольевич Шендерович
Игорь Моисеевич Иртеньев
Александр Ефимович Володарский
Шестеро против
Шекспира. Печальные
комедии современности
Серия «Новая драма»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54135961

Шестеро против Шекспира. Печальные комедии современности:

Пальмира; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-521-00821-6

Аннотация

В книге собраны пьесы и киносценарии известных современных драматургов: Александра Володарского, Виктора Шендеровича, Василия Товстоногова, Ксении Драгунской, Игоря Иртеньева, Елизаветы Комаровой.

Содержание

Предисловие	5
Александр Володарский. Селфи со склерозом	9
Александр Володарский. Орловская порода	73
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Шестеро против Шекспира

Печальные комедии

современности

Тексты приводятся в авторской редакции

© Комарова Е. Д., составление, предисловие, 2018

© Володарский А. Е., 2018 © Драгунская К. В., 2018

© Иртеньев И. М., 2018

© Товстоногов В. А., 2018

© Шендерович В. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО
«Т8 Издательские Технологии», 2018

Предисловие

Дорогие читатели!

Прогуливаясь по городу, мы встречаем театральные афиши: «Ревизор», «Чайка», «Мастер и Маргарита», «Горе от ума», «Сирано де Бержерак», «Гамлет». Эти всемирно известные произведения и мы, разумеется, знаем. Режиссеры XXI века по-прежнему привлекают публику их новыми трактовками.

Не забыты и великие драматурги, более близкие нам по времени: Григорий Горин, Евгений Шварц, Михаил Зощенко, Николай Эрдман, Александр Володин, Виктор Розов. Они подарили свой талант не одному поколению зрителей и читателей.

В нашей первой книге пьес вышеназванных авторов нет. Они будут в наших следующих книгах: мы расскажем о грустном Горине, многие пьесы которого разлетелись на цитаты: «Я понял, в чем ваша беда. Вы слишком серьезны. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица. Улыбайтесь, господа. Улыбайтесь!» О сосланном в Сибирь Николае Эрдмане, который, несмотря ни на какие испытания, никогда не терял уникальное чувство юмора, а письма матери из Сибири подписывал – «твой Мамин Сибиряк». О самом ярком «юмористе» советских лет Михаиле Зощенко, который в конце жизни говорил: «Я приму любую

судьбу взамен своей». Вы прочитаете пьесы Александра Володина, Евгения Шварца и всех тех, кто своим дарованием, собственно, и создал русскую драматургию XX века. Вопреки цензуре, войнам, репрессиям, а затем – серости и тусклости советских времен.

Эти авторы и есть – XX век в искусстве русского репертуарного театра.

Сейчас перед вами первая книга нашей театральной серии: сборник современных пьес. Их авторы на момент публикации сборника живы, здоровы, заняты творчеством и мечтают, чтобы их пьесы были интересны современным режиссерам и зрителям.

По признанию заведующих литчастью, ежегодно у драматургов случаются осеннее и весеннее «обострения» – они заваливают театры своими шедеврами по электронной почте. Сегодня необязательно обивать пороги, топтаться у кабинета художественного руководителя, прижимая к груди дорогую сердцу папку для бумаг на веревочках: достаточно нажать кнопку.

Но почтовый поток пьес, как правило, адресаты игнорируют. Интерес к пьесе не зависит ни от степени дарования автора, ни от темы его творения – он зависит от неизвестных автору обстоятельств.

Пьесы, приходящие в театр «самотеком», никто не читает и даже не открывает. Исключения есть, но редко.

Готовясь к очередному сезону, руководитель, не имею-

щий ни сил, ни желания читать новые пьесы, привычно замахивается на «Вильяма нашего с вами Шекспира», Гоголя или Чехова, как на авторов беспрюирышных. Вот почему на афишах мы видим любимые названия, указанные в начале предисловия. Нина Заречная, завернувшись в холщовое полотно, летает под потолком, от сцены поднимается дым, а огромный монитор показывает фрагмент жизни наркодилера – и все это шоу называется «Чайка», например. Зрителям интересно, что еще придумает режиссер, чтобы по-своему изуродовать, простите – раскрыть классические произведения.

Авторы пьес, представленных в нашей книге, не соревнуются с классиками, чьи звезды зажглись однажды и навсегда. Перед вами современные комедии; они и смешные, и печальные.

Когда мы собирали эти пьесы, мы ориентировались на свой вкус, в чем заранее просим прощения у читателей.

У одного из авторов в сборнике две пьесы: у Александра Володарского, драматурга, чьи трагикомические пьесы хочется репетировать сразу, как только начинаешь читать.

Нежный, таинственный и глубокий «правдоруб» Игорь Иртенев, публицист и писатель Виктор Шендерович, который не нуждается в представлении читателю, Ксения Драгунская, драматург преуспевающий и яркий, участвуют в нашем сборнике.

Описания природы не придется пропускать – их здесь нет.

Одни диалоги. Так что читать легко. Мы будем очень рады каждой вашей улыбке и благодарны за внимание к нашему творчеству.

Елизавета Комарова

Александр Володарский.

Селфи со склерозом

Трагикомедия в двух действиях

Действующие лица

Майя Аркадьевна.

Склероз.

Рома Оськин, Арчил Александрович Микелтадзе, Вениамин Ионович Есафов— один актер.

Саша, племянник Майи Аркадьевны, – голос в телефоне.

Действие первое

Комната Майи Аркадьевны. Телевизор на тумбе, стол, два стула. Софа. У софы на тумбочке телефон. Стенка. На софе спит Майя Аркадьевна. Рядом спит под одеялом Склероз. До поры – мы его не видим. Звонит телефон. Майя Аркадьевна просыпается, поднимается в постели, приходит в себя, потом накидывает халат, вскакивает и бежит к входной двери, хватая переговорное устройство, звонки телефонные тем временем продолжаются.

Майя. Кто там? Кто?! Мама дорогая, это же телефон! (*Бежит, шаркая, обратно к телефону.*) Сейчас, подождите, я бегу! (*Хватает трубку телефона, садясь на край софы.*) Алло!

Саша (*бодрый голос по телефону*). Майя Аркадьевна!

Майя (*толком не проснувшись*). Она... Это Саша.

Саша. Да. Вы уже встали?

Майя (*глядя на себя*). Я... уже села.

Саша. Отлично! Завтракайте, а после завтрака – примите таблетки. Они на столе, в блюдечке. И не забудьте записать, чтобы не принять второй раз. До вечера, я вечером зайду!

Майя. До вечера надо еще дожить... (*Кладет трубку, кряхтя, медленно ложится обратно на софу.*) Нет, вот вы мне скажите, кто выдумал старость? Я же ни черта не помню! Никогда не думала, что я буду такой склерозной. (*Улегшись, вдруг вскрикивает.*) А-а! Кто меня там трогает?

Склероз (*появляясь из-под одеяла*). Никто вас не трогает. Вы на меня сами легли.

Майя. Я легла не на вас, а на свою софу! И вообще, кто вы такой? И что вы здесь делаете?

Склероз. Я с вами живу.

Майя. Со мной?! Живете?! Вы знаете, сколько мне лет?

Склероз. Конечно знаю.

Майя. Скажите, вы что, этот, как его?

Склероз. Я не геронтофил. Вы просто забыли, я с вами

уже давно живу.

Майя. Давно живете?! Мама дорогая... Подождите, я посмотрю у себя в паспорте.

Склероз. При чем здесь паспорт?

Майя. Как? Если вы со мной живете, там должен быть штамп.

Склероз. Нет там никакого штампа. Такие штампы еще не придумали.

Майя. А-а... Я сдала вам угол?

Склероз. Можно и так сказать.

Майя. Что вы говорите?! А я не помню. Убейте меня!

Склероз. Зачем мне вас убивать? Что я, некрофил?!

Майя. А кто вы? И почему вы спите в моей постели? У меня есть раскладушка.

Склероз. Майя Аркадьевна, я устал. Каждое утро вы спрашиваете, кто я. Посмотрите, у вас в тетрадке записано.

Майя Аркадьевна встает и начинает искать тетрадь.

Майя. Правильно! Врач сказал, Майя Аркадьевна, надо все записывать. И я все записываю, как Нестор-летописец... О, этого я помню... Где же мой бортовой журнал?.. Есть! *(Берет тетрадку, открывает.)* Это же надо – я все записываю, и все равно ни черта в голове не держится. Так, вчера. *(Читает.)* «Восемь тридцать. Встала, умылась, оделась. Позавтракала. Имела желудок»... Имела?! Видите, а я не пом-

ню. Убейте меня! Но все равно – это важно.

Склероз улыбается.

Что вы улыбаетесь? Будете в моем возрасте – поймете. Регулярно иметь желудок – это большое счастье! И у меня это счастье – к счастью, есть!.. Эх, если бы у меня так работала голова, как работает... Ой, а кто это из великих людей сказал: «Странно: слова – нет, а жопа – есть?» Кто же это сказал? Кто?..

Склероз. Раневская.

Майя. Точно – Раневская! (*Мечтательно.*) Чехов, «Вишневый сад», Раневская...

Склероз. У-у... Поехала... (*Безнадежно взмахнув рукой и тяжело вздохнув, пробует снова уснуть.*)

Майя. Я видела эту постановку во МХАТе. Раневскую играла Алла, Алла... Как же ее, ну... Тарасова! Это было что-то... (*Преображается в Тарасову в роли Кручининой.*) «Какое злодейство, какое злодейство! Я тоскую об сыне, убиваюсь; меня уверяют, что он умер; я обливаюсь слезами, бегу далеко, ищу по свету уголка, где бы забыть свое горе, а он манит меня ручонками и кличет: мама, мама! Какое злодейство!» (*Рыдает почти как Тарасова.*)

Склероз. Майя Аркадьевна, вы все перепутали. Это не Чехов, это – Островский. Монолог Кручининой!

Майя. Это монолог Тарасовой! Что вы понимаете? Сколь-

ко раз я смотрела это по телевизору – столько раз плакала. (Замечает яблоко на столе.) О, какое яблоко! Подождите, а кто мне принес яблоки? Понятия не имею. Вы?

Склероз. Я же от вас отойти не могу.

Майя. Может, Саша. Это ж надо: кто принес яблоки – я не помню, а кто делал мне трепанацию черепа, когда мне было пять лет, я отлично помню. Вам делали трепанацию черепа?

Склероз. Пока нет, но вы меня доведете.

Майя. А мне делал сам профессор Амбарцумян. Дай ему бог здоровья и счастья!.. Что я такое говорю, ему уже тогда было лет семьдесят... В таком случае – дай ему бог счастья на том свете!.. Может быть, там оно нужнее, кто знает...

Склероз. Придет время – узнаете.

Майя. Да, но я туда не тороплюсь... Профессор Амбарцумян Левон Саркисович был уже на улице и шел из больницы домой, когда мимо него пронесли девочку на носилках. Это была я. И он вернулся в операционную. Так я вас хочу спросить – кто сейчас вернется делать операцию какой-то девочке за бесплатно? А?.. Если бы скорая тогда приехала на десять минут позже, профессор Амбарцумян ужинал бы дома, а памятник на кладбище ставила бы не я маме, а мама – мне. С тех пор я в больнице больше не лежала. Мне кажется...

Склероз. Когда кажется – креститься надо.

Майя. Ну, креститься мне, пожалуй, уже поздновато...

Склероз. Майя Аркадьевна, идите завтракать, вам пора принимать таблетки.

Майя Аркадьевна что-то ищет.

Майя. Подождите, а куда я дела свой календарь? У меня где-то тут лежал календарь... Убейте меня!

Склероз. Начинается!

Майя. Так, кто мне скажет, какой сегодня день?

Склероз. С утра был вторник.

Майя. Опять вторник?! А число?

Склероз. Двадцатое первое апреля.

Майя. А год?

Склероз. Майя Аркадьевна, зачем эти вопросы, если вы все равно через пять минут забудете?

Майя. Ну и что? Я не помню того, что произошло только что, зато вы понятия не имеете о том, что было когда-то. И неужели так трудно мне напомнить?

Склероз. Не трудно. Пожалуйста – двадцатое первое апреля две тысячи пятнадцатого года.

Майя. Что?! Уже – две тысячи пятнадцатый год? Мама дорогая! И давно?

Склероз разводит руками.

С ума сойти! А я родилась в тысяча девятьсот двадцать седьмом. Две тысячи пятнадцать минус тысяча девятьсот двадцать семь... Где мой калькулятор? *(Достает из ящичка*

стола счесть, на счетах считает.) Восемьдесят восемь...
Мне – восемьдесят восемь лет?!

Ого, ничего себе! Да, не каждый человек доживает до восьмидесяти восьми...

Склероз. Еще бы!

Майя. Но, с другой стороны, и не каждый доживший до восьмидесяти восьми – человек... Ну – так кто вы такой? Не вижу, где записано, а я ничего не помню. Убейте меня! Потому что у меня – склероз.

Из-под пледа вылезает Склероз – мужчина средних лет в трусах и майке.

Склероз. Наконец-то вы вспомнили! И успокойтесь, Майя Аркадьевна, никто вас не собирается убивать. Да, я – Склероз. И я у вас. Но я могу уйти. Хотите? Я могу одеться и уйти прямо сейчас, но вместо меня к вам может прийти Альцгеймер.

Майя. Не дай бог! Лучше склероз в руках, чем Альцгеймер в перспективе. Живите себе, если у меня вам так нравится. Но одеться вы можете? Все-таки склероз – это болезнь интеллигентных людей.

Склероз. Я могу одеться. Только не надо путать народ. Болезнь интеллигентных людей – это геморрой. А склероз – это демократичная болезнь самых широких слоев населения. Так что цените меня. И вообще, я вам, Майя Аркадьевна,

на, так скажу: если в восемьдесят восемь лет у вас только склероз и чуть выше нормы сахар – это совсем неплохой диагноз! *(Надевает штаны. Застегивает ремень.)*

Майя. Другой бы спорил... Но у вас и этого нет!

Склероз. Так мне и не восемьдесят восемь.

Майя. Это – правда. Если вы мой склероз, то вам максимум – лет сорок. Как раз тогда я забыла, что поставила варить сгущенку на торт и пошла покупать елочку. А потом весь Новый год я отскребала сгущенку со стены и потолка.

Склероз. Но все равно, Майя Аркадьевна, какие-то болезни в старости нужны. Мы же – не бессмертны. Отчего-то же, милая моя, умирать надо.

Майя. Да. Я помню, у нас на пятом этаже жила старушка Таисия Карловна. Она жила одна. У нее никого из родных не было.

Однажды утром она встретила моего папу и сказала: «Все! С этим делом, Аркадий Львович, надо что-то решать!» «О чем это вы, Таисия Карловна?» – спросил папа. «Да так», – ответила она. А вечером она решила этот вопрос радикально – выбросилась из окна, и все! Самая страшная болезнь в старости – это одиночество.

Склероз. Ну, вам такое не грозит – нас же все-таки двое. *(Надевает футболку с надписью: «Хочешь быть счастливым? Спроси меня – как».)*

Майя *(замечает надпись на футболке)*. Постойте, я надену очки! *(Читает надпись.)* «Хочешь быть счастливым?»

Спроси меня – как». А это у вас зачем?

Склероз. Это я подрабатываю. Лечу депрессию склерозом. На вашу пенсию вдвоем не протянешь. Хотя с таким здоровьем, как у вас, вы бы могли еще пахать и пахать.

Майя. Я свое – отпахала. И теперь государство мне платит пенсию.

Склероз. Какое государство – такая и пенсия.

Майя. Ну, знаете, мне одной как-то хватало. А вообще пенсионер – это человек, которому надоело работать, но не надоело жить!.. Кстати, а что – ваше лечение склерозом действительно спасает от депрессии?

Склероз. Еще как! Один сеанс, и человек вообще забывает, что у него были хоть какие-то проблемы.

Звонит телефон. Майя снимает трубку.

Майя. Алло, я вас слушаю?.. По поводу сдачи квартиры?.. Какой квартиры?.. Нет, эта квартира не сдается... И не продается. Потому что я в ней живу! (*Кладет трубку.*) Странно, чего они сюда звонят?

Склероз. А раньше звонили?

Майя. Я не помню. Убейте меня!

Склероз. Ну, за вашу двухкомнатную квартиру, в принципе, грохнуть могут легко. Но вы же ее завещали?

Майя. Давно. Своему племяннику, Саше.

Склероз. Саше так Саше, я не претендую. Я приготовлю

завтрак. В чайнике вода кипяченая?

Майя. Кого вы спрашиваете?

Склероз. Действительно: кого я спрашиваю...

Склероз выходит как бы в кухню. Майя Аркадьевна берет зеркало и смотрится.

Майя. Мама дорогая! На кого я похожа?! Надо причесаться. Что бы сказал Вениамин Ионович Есафов, если бы увидел, в кого я превратилась... Стыд и срам! *(Причесывается и поет.)* «Отцвели уж давно хризантемы в саду, а любовь все *(пытается вспомнить слова)*... а любовь все... мг-м, м-м-м».

Склероз *(громко подсказывает как бы из кухни)*. В моем сердце больном.

Майя. Нет, на сердце я как раз не жалуюсь. Если бы у меня так работала голова, как работает...

Входит Склероз с подносом, на котором нехитрый завтрак: чай, творог в вазочке, хлеб. Ставит поднос на стол, выразительно глядя на Майю Аркадьевну...

(Иронично.) Сердце. А вы что подумали?

Склероз. Я подумал, что бы вы без меня делали?! Ешьте. Майя. Как-то я жила раньше без вас и ничего. Работала. На ответственных должностях. На Камском целлюлозно-бу-

мажном комбинате. А на работу меня принимал сам Есафов Вениамин Ионович.

Майя и Склероз завтракают.

Склероз. Это было в городе Краснокамске, в пятьдесят первом году.

Майя. Точно, откуда вы знаете?.. А потом Вениамин Ионович стал секретарем парткома комбината.

Склероз (*иронично*). Что вы говорите?!

Майя. Да! Его выбрали. И он принимал меня в партию. Золотой был человек... Я вам про него еще не рассказывала?

Склероз. Майя Аркадьевна, какая вам разница? Рассказывайте, если хочется!

Майя. Я могу рассказывать о нем долго. А вы видели, как делают бумагу?

Склероз. Я?! Убейте меня.

Майя. Кого я спрашиваю, где вы могли видеть? А я видела. Тяжелая работа. Жара, влажность жуткая, но зрелище завораживающее. Я там работала – старшим лаборантом в лаборатории анализа сульфитной целлюлозы. К нам многие приходили, потому что у нас был спирт.

Склероз. Майя Аркадьевна, вы пили спирт?

Майя. Представьте себе! У нас в лаборатории был спирт для протирки оптических приборов, и я тоже пила спирт! А начальником у меня был Есафов Вениамин Ионович. Я вам

про него еще не рассказывала?..

Склероз. Он мне уже снится!

Майя. Убейте меня, я все равно не помню... Зато Есафова помню, как вчера. Когда Вениамин Ионович заходил к нам в лабораторию, все женщины из нашей группы сырьё начинали улыбаться. Будто им премию выписали. Золотой был человек. Однажды мы всем коллективом лаборатории анализа сульфитной целлюлозы поехали на поезде в Пермь, в оперный театр. За счет профсоюза. И Есафов с нами. Давали «Кармен». *(Напевает.)* «Сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер мая».

Склероз. Майя Аркадьевна, это – «Риголетто»!

Майя. Что вы ко мне постоянно придираетесь?! Вы тоже консерваторию не заканчивали!.. В театре Есафов купил всем женщинам программки, потом в антракте, в театральном буфете – по стакану круассона, а когда возвращались, Вениамин Ионович уступил мне в поезде нижнюю полку. И, хоть был гораздо старше, сам полез на верхнюю. Мне было ужасно неловко. Я говорила: «Вениамин Ионович, ну что вы? Мне так неловко. Не стоит».

Склероз. Да вы кокетка, Майя Аркадьевна.

Майя. Но он так настаивал!.. И я легла на нижнюю.

Склероз. Правильно! Вы же могли забыть, что спите на верхней полке, и спикировать с нее прямо на Есафова.

Майя. Не могла! Потому что вас у меня в то время еще не было... Погодите, я вам только что сказала, что Есафов

был гораздо старше меня... Смешно, ему тогда было всего лет сорок. Золотой был человек... А больше всего он любил мою фаршированную рыбу.

Склероз. Майя Аркадьевна, какую рыбу? За все время, пока я у вас, вы ни разу ее не готовили.

Майя. А для кого, интересно, мне было ее готовить?

Склероз. Хотя бы для себя.

Майя. Глупости! Это фаршированная рыба по рецепту моей бабушки. Она готовила рыбу только тогда, когда к нам должны были прийти гости. И всегда говорила: готовила на тридцать человек, пришло десять – и тоже хватило!

Склероз. Не верю! Вы же вчера сказали мне, что забыли даже, как варить гречку!

Майя. Зато как готовить рыбу – я помню. Записывайте!

Склероз. Сейчас запишу! Я должен подготовиться. *(Достает свой смартфон, включает камеру и подносит поближе к Майе Аркадьевне.)*

Майя. Покупается большой карп, килограмма два живого веса. *(Хватает со стола вазу в форме ладьи и «иллюстрирует» свой рассказ с помощью предметов на столе: очешник, луна, пачка таблеток и т. п.)* Вдоль брюшка делаем надрезы и начинаем постепенно отделять шкурку от мяса. Важно не торопиться и не применять силу. И вот у вас уже отдельно голова со шкуркой и отдельно – скелетик. Выглядит, конечно, не так, чтобы очень, но и то, и другое нам нужно. Потом через мясорубку пропускаем сырой лук три раза, а рыбу с

жареным луком – два... Главное – не перепутать! Добавляем яйцо, соль, перец, мокрую булочку, и фарш готов. И дальше мы смоченными в холодной воде руками наполняем фаршем рыбную шкурку, обкладываем морковью, свеклой, заливаем водой – и в форму! Форму в духовку, и вечером – готовую рыбу на стол. И помните, рыба без хрена – деньги на ветер!.. Фу-у...

В конце этого монолога на столе образуется как бы модель фаршированной рыбы.

Склероз. И вы все это делали для Есафова? Не верю!

Майя. Вы себе не верьте, а он – уплетал за милую душу!

А что это вы на меня телефон наставили?

Склероз (*проверяя запись на смартфоне*). Майя Аркадьевна, это не телефон, а смартфон. На него еще можно записывать видео, выходить в Интернет, фотографировать и хранить в нем фото... О! Давайте сделаем с вами селфи! (*Приближается к Майе Аркадьевне, которая не успевает опомниться, и щелкает несколько раз.*) Супер! (*Показывает фото Майе.*) Посмотрите, как получилось! Я выложу все это на фейсбуке, и нас забросают лайками.

Майя. Чем нас забросают?

Склероз. Майя Аркадьевна, все эти новые умные штучки называются гаджеты. Я, конечно, могу вам объяснить, что это, но оно вам надо?

Майя (*косясь на смартфон*). Может, и надо. Я же не пробовала. А сколько мне нужно откладывать с пенсии, чтобы такую штуку себе купить?

Склероз. Откладывать?! Я думаю, лет двадцать.

Майя. Убейте меня! Нет, я лучше соберу деньги на другой гаджет. Подождите, я эту рекламу себе вырезала. Где она? Вот – нужная вещь! Скоро поступит в продажу. (*Находит вырезку из рекламной газеты.*) Вы не помните, на какую полку положили зубы на ночь? Вставная челюсть со звуковым сигналом! Только откройте рот, и ваши зубы будут клацать, пока вы их не найдете!

Склероз. Класс!

Майя. Слушайте, а давайте еще полежим!

Склероз. Полежим?! Что, Майя Аркадьевна, воспоминания о Есафове нахлынули?

Майя. Вы – пошляк! Есафов был порядочный человек!

Склероз. А вы?

Майя. Вы не поверите, но я тоже. Я имела в виду – полежим, посмотрим телевизор. (*Включает телевизор. Переключает каналы.*)

Экран темный. Идет только звук. Слышен фрагмент футбола, потом – фрагмент рекламы, наконец, фрагмент из «Семнадцати мгновений весны» – что-то Штирлиц говорит Мюллеру.

Склероз (*громко*). Выключите вы этот телевизор, он же у вас не работает!

Майя. Вы тоже не работаете, но я же вас не выключаю!

Склероз. Сами посмотрите – экран не горит, телевизор не работает.

Майя Аркадьевна делает тише.

Майя. Что вы такое говорите? Прекрасно работает. А экран уже давно не горит. Но я Саше не жалуясь, и он не знает. А зачем мне экран? Новое кино уже не для меня, а старое я люблю слушать и представлять себе артистов... Это же – «Семнадцать мгновений весны». Да? Какой там был Мюллер! (*Пародирует, а потом смеется, как Броневой в роли Мюллера.*) «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться! Хи-хи-хи». А какой Штирлиц! Видели?! Красавец!.. Кто его играл? Я забыла.

Склероз. Ну, этот, как его?..

Майя. Я не вас спрашиваю. Кто же играл Штирлица? (*Спрашивает у зрителей.*) Кто? (*В зал.*) Никто не помнит? У всех склероз? (*Кто-то из зала подсказывает – Тихонов.*) Наконец-то! Тихонов – правильно. Поздравляю – у вас склероза нет...

Склероз (*в зал, в сторону того, кто подсказал*). Покамест...

Майя. Вячеслав Тихонов очень красивый был мужчина. А

Вениамин Ионович Есафов был, откровенно говоря, совсем не красавец. Я вам про него еще не рассказывала?

Склероз. Вы не поверите! Нет...

Майя. Как? Не может быть! Золотой был человек. Фронт-овик. Только лысый, худой и невысокий. И костюм у него был один. Серый, довоенный, сидел мешковато... Вспомни-ла! Я как-то смотрела по телевизору игру. Там один при-шел играть в каком-то старомодном костюме. А ведущий его спрашивает: «Скажите, сколько стоил мужской костюм в ты-сяча девятьсот шестьдесят втором году?» И этот мужик без запинки – пятьдесят пять семьдесят. Ведущий: «Откуда та-кая точность?» А тот отвечает – как откуда? Я ж в нем при-шел!

Склероз. Майя Аркадьевна, а откуда у вас этот халат?

Майя. Я его выиграла. Нам на отдел сто человек выделили ковер и два халата. Мы все разыграли в лотерею. Я хотела ковер, а выиграла халат. Есафов меня тепло поздравил.

Склероз. Зачем же этот халат так занашивать, сохраняйт-е его как память о Есафове. У вас полно платьев, наденьте какое-нибудь из них.

Майя. Зачем? Эти платья на выход, а я никуда не хожу.

Склероз. Наденьте, вдруг к вам кто-то придет.

Майя. Кто ко мне придет, кроме Саши... Или соседки снизу, когда я ее немного залью... Ну, хорошо, если вы на-стаиваете... *(Собирает остатки завтрака на поднос и вы-ходит.)*

Склероз. Ая пока музыку включу. Хотите какое-нибудь ретро?

Майя (*голос*). Конечно. С удовольствием.

Склероз включает на смартфоне музыку. Звучит мелодия песни «Ландыши». Появляется Майя Аркадьевна в красивом платье. Вслушивается в мелодию и начинает петь и при-танцовывать.

Ты сегодня мне принес
Не букет из пышных роз,
Не тюльпаны и не лилии.
Протянул мне робко ты
Очень скромные цветы,
Но они такие милые.
Ландыши, ландыши —
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши —
Белый букет.

Склероз. Здорово! И главное, вы все слова помните!

Майя. Еще бы! Это была очень популярная песня лет пятьдесят тому назад. Вас тогда и в проекте не было. (*Смотрит на часы.*) Ой, надо же послушать новости.

Склероз. Майя Аркадьевна, зачем вам новости, если у вас и так постоянно новости? Все равно ничего хорошего не скажут, а вы тут же все забудете.

Майя. Ну и что? Вдруг передадут, что ученые изобрели средство борьбы со склерозом? Я приму и от вас наконец избавлюсь!.. Ой, я забыла – у меня же есть пилюли от склероза.

Склероз. От атеросклероза. От склероза – средств нет.

Майя. Все равно, надо же принять, раз выписали!

Склероз. Вы всегда только о себе думаете. Не надо вам ничего принимать. Толку никакого, а меня от них потом тошнит. И вообще, для чего вам от меня избавляться? Живите со мной и радуйтесь. Другие – вон с какими страшными болезнями живут. С постели встать не могут. А вы бегаєте как девочка. И еще недовольны. Да вы молиться на меня должны!

Майя. Молиться?! Я из-за вас каждое утро очки по часу ищу!

Склероз. Это – движение, вместо зарядки.

Майя. А где мой маникюрный набор? Вы не брали?

Склероз. Я?! Вы меня во всех грехах подозреваете. Между прочим, любой вполне здоровый человек может что-то куда-то положить и забыть напрочь.

Майя. Да я из-за вас не помню даже, сколько мне лет!

Склероз. Прекрасно, зачем вообще женщине это помнить?!

Майя. Хотела бы я на вас посмотреть, когда вам будет столько, сколько мне!

Склероз. Я, слава богу, до такого возраста не доживу!

Майя. А я дожила и хочу все помнить! А вы мне мешаете.

Вы мне вообще надоели!.. Жуир!

Склероз. Кто? *(Быстро набирает что-то на смартфоне. И читает с экрана.)* «Жуир, от французского, jouer – наслаждаться. Устаревшее – весело и беззаботно живущий человек, ищущий в жизни только удовольствий». Это я – жуир?! Вы считаете, что жить с вами – одно удовольствие?! Как же иногда мне хочется уехать от вас куда подальше, Майя Аркадьевна!

Майя. Ну и уезжайте! У моей тети был зять. Он был дальнобойщик, а она его терпеть не могла. И каждый раз закрывала за ним дверь и говорила: «Чтоб ты туда не доехал, обратно не вернулся и в дороге не остался!» *(Смягчаясь.)* Надо же, вспомнила...

Склероз. Видите – сами вспомнили. Зачем нам ругаться? Мы с вами притерлись друг к другу. И я вам не так уж сильно мешаю. Вы вообще многое помните.

Майя. Помню.

Склероз. Вот мы с вами говорили о музыке, вы пели.

Майя. Я?!Когда?!

Склероз. Не важно. А назовите-ка мне фамилии трех отечественных композиторов?

Майя. Композиторов? Пожалуйста. Шостакович, Римский-Корсаков...

Склероз. Ух ты! А еще...

Майя. Еще... Еще... А еще – я не помню. Затык...

Склероз. Не беда! Давайте ассоциативным мышлением.

Фамилия композитора содержит название напитка, который вы любите пить.

Майя. Та-ак, что же я пью?.. Спирт, кефир, вода, ряженка...

Склероз. Он лучше, когда горячий...

Майя. Кофе... Чай... Чайковский!

Склероз. Умница, идем дальше. Представьте, вы чистите картошку, куда вы выбрасываете очистки?

Майя. В миску.

Склероз. А из миски куда?

Майя. В ведро.

Склероз (*теряя терпение*). А содержимое ведра потом куда?

Майя. Куда – в мусор... Мусоргский!

Склероз. Гениально, Мусоргский. А вот еще композитор, из его фамилии, можно сказать, лепят фигурки, посуду делают...

Майя. Глинка!

Склероз. Наконец-то!

Майя. Я вспомнила еще одного!

Склероз. Майя Аркадьевна, это уже шестой.

Майя. Ну и что, пойдет сверх плана. Мендельсон. Его играют на свадьбах. Кстати, Мендельсон – отечественный композитор?

Склероз. Майя Аркадьевна, какой же он отечественный?

Майя. А что такое? В нашей поликлинике работал врач Альфред Соломонович Мендельсон – он был прекрасный терапевт.

Склероз. Видите, скольких вы вспомнили.

Майя. И все равно, как бы мне хотелось, чтобы склероз у меня пропал навсегда.

Склероз. Должен вас огорчить – так не бывает. Никуда я не денусь. Но, если бы это произошло, вы могли бы получить Нобелевскую премию.

Майя. Да?! А я бы не отказалась. А сколько эта Нобелевская премия?

Склероз. Не помню.

Майя. Я не поняла, у кого склероз? *(Смотрит на часы.)* Ой, из-за вас новости уже пропустила. *(Переключает телевизор на новости.)*

Голос диктора. Вчера на Донбассе снова звучали выстрелы. Украинская сторона обвиняет российскую в нарушении перемирия.

Майя Аркадьевна выключает телевизор. Звук обрывается.

Майя. Ничего не понимаю! Что это было? Что они такое говорят?!

Склероз. Что слышали.

Майя. У России и Украины какие-то трения? Не может

быть! Чужь какая-то!.. Не хватает нам еще войны. Я вам могу сказать не понаслышке, а по собственному опыту: война – это... это... НЕ интересно! В эвакуации мы с мамой оказались на Урале, в Златоусте. Мне было четырнадцать лет, и мы работали с мамой на швейной фабрике имени Розы Люксембург: шили гимнастерки, галифе, бушлаты. На день выдавали триста граммов хлеба. Уже к обеду у меня не оставалось ни крошки, и в перерыв я прибежала к маме. «Мама, у тебя не осталось немного хлеба?» У мамы почему-то всегда оставалось немного хлеба. Для меня. Я же росла, у меня тогда уже была грудь – больше, чем сейчас! А потом папа после ранения забрал нас оттуда, и, как только Киев освободили, мы вернулись домой. Нет, война – это совсем неинтересно! Но я помню город до войны. Мы жили на Евбазе. Евбаз – это Еврейский базар. Так назывался район в Киеве, у базара. Теперь там площадь Победы. И у меня был друг. Его звали Ромка. Рома Оськин. Я называла его Оськой. Мы жили с его семьей в одной большой коммунальной квартире. А как мы играли с ним в прятки! Квартира была огромная – десять семей, прятаться – раздолье. А потом он не пришел в школу. И больше я его не видела.

Склероз. Что с ним случилось?

Майя. Мне было десять лет, а я помню как сейчас. Это был тридцать седьмой год. Его папу арестовали, а Оську отправили куда-то в детдом. Я так плакала. Больше у меня такого друга среди мужчин уже никогда не было.

Склероз. Обижаете, Майя Аркадьевна, а я?

Майя. А что – вы, вы же не мужчина.

Склероз (*глядя на себя*). Пусть так... Но я ваш друг!

Майя. Вы не друг, вы – мой недуг.

Склероз. Майя Аркадьевна, люди, когда долго живут со своими болезнями, со временем к ним привыкают. И болезни становятся им как дети. За ними ухаживают, о них всем рассказывают. Ими гордятся. Слышали, как иногда человек говорит: у меня такой радикулит, или у меня такой артроз, вы себе даже не представляете!

Майя. У меня не артроз.

Склероз. У вас склероз.

Майя. Да, я многое забываю... Зато сколько я всего помню. И сколько я могла бы Оське рассказать. В том числе и про Есафова Вениамина...

Склероз (*стонет*). Ионовича...

Майя. Ионовича. Откуда вы знаете?!

Рома. Здравствуй, Маечка! Как поживаешь?

Майя (*растерянно*). Я – хорошо... Спасибо... Простите, а с кем я...

Рома (*скороговоркой*). Жили-были три китайца: Як, Як-Цидрак, Як-Цидрак-Цидрони. Жили-были три китайки: Ципа, Ципа-Дрипа, Ципа-Дрипа-Лам-Помпони.

Майя (*подхватывает*). Вот они переженились: Як на Ципе, Як-Цидрак на Ципе-Дрипе, Як-Цидрак-Цидрони на Ципе-Дрипе-Лам-Помпони. Мама дорогая! Оська, родной, ты?!

Майя Аркадьевна и Рома крепко обнимаются.

Склероз. Я бы такое ни в жисть не выучил...

Рома. Узнала?! А я тебя сразу узнал. Даже по голосу. Ты хотела мне рассказать про Есафова Вениамина Ионовича. *(Заходит, располагается.)*

Склероз. Э, нет! Снова Есафов... Я лучше еще посплю.

Майя *(Склерозу)*. Спрячьтесь! Он не должен вас видеть.

Майя пытается запихнуть Склероза в стенку, под кровать или еще куда-нибудь.

Склероз. Куда?! Он и так меня не слышит и не видит.

Меня только вы видите.

Майя. Спрячьтесь, чтобы я вас не видела! Поспите. И подольше! *(Запихивает Склероза под плед.)*

Рома. Майя, с кем ты говоришь? У тебя кто-то есть?

Майя. У меня? Никого нет.

Рома. Ас кем же ты говоришь?

Майя. Не обращай внимания. Это мой склероз.

Рома. И давно он у тебя?

Майя. Понятия не имею!

Рома подходит к неплотно прикрытому шкафу, в котором перекошена дверца. Или к чему-нибудь другому, требующе-

му легкого и быстрого ремонта.

Монеткой, ключом или брелоком он подкручивает винтик.

Рома. Сразу видно, Маечка, в доме нет мужчины.

Майя. Откуда ему взяться?

Склероз. Майя Аркадьевна, вы столяра вызвали или воспоминания о Есафове?

Майя (*Склерозу*). Вас не спросила. (*Роме.*) Оська, а откуда ты знаешь Есафова?

Рома. Кто ж его не знает? Его уже все тут знают... Порядок! (*Заканчивает ремонт и садится к Майе за стол.*)

Рома. погоди, Маечка, тебе надо принять таблетки, а то ты забудешь. Я дам тебе таблетки, а ты рассказывай.

Склероз (*ворчит*). Приперся... Кто его просил...

Рома достает из блюда на столе и подает Майе таблетки. Майя мечтательно рассказывает.

Майя. Вениамин Ионович Есафов. Он принимал меня на работу...

Рома. На Камский целлюлозно-бумажный комбинат.

Майя. Я уже это говорила?

Рома. И не один раз.

Майя. Убейте меня!

Рома дает Майе еще таблетку.

А потом он принимал меня в партию. Он был золотой человек!

Склероз (*высовываясь*). Нет, я не могу спать! Сколько можно, Майя Аркадьевна?

Майя (*Склерозу*). Послушайте, это ко мне пришли, а не к вам! Дайте спокойно поговорить!

Рома. Майя, ты все время говоришь сама с собой. Ты давно была у врача?

Майя. Это не я, это соседи за стенкой. Там у меня живут Вася и Нина. Так-то они обычно тихие, но день, когда Вася получает зарплату... Это спектакль в трех действиях. Достойный сцены МХАТа! В первом действии из их квартиры доносятся крики: «Ай!», «Ой!» и «Рятуйте!». Второе действие идет на лестничной клетке. Этот Вася, худой и длинный как карниз, выбегает за своей упитанной Ниной. «Вася! – кричит Нина. – Подожди, нэ бый, дай я трохи отдохну!» А Вася кричит: «Убью суку, проститутку! Убью!» Тут выходят соседи, уводят Васю домой и укладывают его спать. А третье действие начинается утром, когда они с Ниной, как ни в чем не бывало, вместе идут по двору под ручку, и он – абсолютно ничего не помнит.

Склероз. Это – склероз.

Рома. Это – алкоголизм.

Майя. Это – любовь. А выпить с зарплаты – святое дело. У

нас на Камском целлюлозно-бумажном комбинате тоже пили. Ой, я же тебе так и не рассказала ничего про Есафова. Он прошел большой путь: от простого сушильщика бумагоделательной машины до начальника цеха беленой массы.

Склероз. Какая головокружительная карьера!

Майя. А потом его избрали секретарем парткома всего комбината. Причем – единогласно!

Рома. Маечка, я все уже понял. Признайся честно – ты была его любовницей?

Майя. Есафова?! Фи, Оська! А еще лучший друг! Он же был намного старше меня. И потом – у него было трое детей. Как я могла?!

Рома. Майя, так не бывает! Я ведь тоже жизнь прожил. Ты – женщина на девятом десятке, с таким склерозом, переходящим в маразм...

Склероз (*Майе, влезая в разговор*). А можно без оскорблений! Скажите ему, он все-таки у нас в гостях.

Майя (*Склерозу*). Что вы такой обидчивый! Придет маразм – будем жить втроем. Я, вы и маразм. Как Маяковские с Бриком.

Рома. Как Брики с Маяковским?! Майя, ты была замужем, а Есафов жил с тобой?

Майя. Оська! Я не была замужем и не была с Есафовым.

Рома. Тогда как же получилось, что ты из своей долгой жизни помнишь одного-единственного мужчину?! И только потому, что он принимал тебя на работу и принимал в пар-

тию! Согласись, это странно.

Майя. Почему единственного! Не единственного. Я помню еще одного мужчину.

Изумленный Склероз резко приподнимается на софе.

Склероз. У Есафова был брат-близнец?

Майя. Его звали Арчил Александрович Микелтадзе.

Рома. Как-как?

Склероз. Близнец был грузином?

Майя. Арчил Александрович Микелтадзе. Из Цихисдзире... Мне дали на комбинате путевку, профсоюзную, двадцатипроцентную, и я поехала отдыхать в Грузию. Зимой. Арчил был у нас на турбазе гидом.

Рома. У вас был с ним роман?

Майя. Что ты? Какой роман?! Хотя у него были такие красивые усы...

Рома. У меня тоже усы, и чем они хуже?

Склероз. Майя Микелтадзе... Звучит, как Майя Чибурданидзе. Была такая чемпионка мира по шахматам.

Майя. Вы угадали, мы играли с ним в шахматы.

Склероз. На раздевание?

Майя. Фи!.. Микелтадзе был высокий, черноволосый... И у него было четверо детей.

Склероз. У Есафова – трое, у этого Арчила – четверо. Такое впечатление, что мужчин с детьми вы коллекциониру-

вали.

Рома. Майя, а у тебя есть дети?

Майя. Нет. У меня так и не было мужа. И у меня никогда не было детей. А у Есафова Вениамина Ионовича их было трое: мальчик и две девочки-близняшки!

Рома. У меня тоже есть дети, внуки... Но, Майя, а как же Гриша? Помнишь, Гриша, вы учились с ним в институте, в одной группе. Ты не знаешь, а я ведь тогда разыскал тебя и приехал, хотел увидеться.

Майя. Боже мой... И что помешало?

Рома. Ты уже была с Гришей. Вы так дружили, что все были уверены – вы поженитесь.

Майя. Гриша... Однажды, я уже не помню почему, мы остались с ним ночью, вдвоем, в одной квартире. *(Подходит к дивану, где лежит Склероз.)*

Майя. Подвиньтесь.

Склероз. Чего вдруг?

Майя. Будете лежать и изображать Гришу.

Склероз. Это как?

Майя. На таланте. Ну же!

Удивленный Склероз подвигается, Майя ложится рядом, головой на руку Склероза.

Мы лежали с Гришей в одной кровати, под одним одеялом. Мы целовались, не скрою.

Склероз. А потом?

Майя. А потом...

Рома. Да, а что потом?

Майя. А потом я сказала ему – «нет!» и заснула. А он так и пролежал рядом со мной, всю ночь, не сомкнув глаз.

Рома. Но почему?

Майя. Что вы, неужели не понимаете?! Как я могла? До свадьбы?! Что бы он обо мне подумал?! *(Встает и садится снова к столу перед Ромой.)*

Склероз. Майя Аркадьевна, хотите, я вам скажу, что бы я на месте бедного Гриши о вас подумал?

Рома. На месте Гриши мог быть я... *(Мечтательно замирает.)*

Склероз. Не обольщайтесь! Вас бы она тоже продинамила!.. *(Смотрит на Рому.)* Размечтался...

Майя *(иронично улыбаясь)*. Кстати, мальчики, я тогда же поняла, откуда пошло выражение – «трепетная грудь». В ту секунду, когда Гриша впервые ощутил мою грудь, он так трепетал, как белье на сквозняке.

Рома. И все-таки, почему ты не вышла за него замуж?

Майя. Гриша предлагал. Он даже спросил, какой у меня размер безымянного пальца, чтобы купить кольцо. Но я сказала ему— нет, Гришенька, это слишком просто. Давай на время расстанемся и проверим свои чувства. И мы расстались. Он вскоре женился. А я уехала по распределению работать, на Камский...

Рома. Целлюлозно-бумажный комбинат. И начальником у тебя был Есафов Вениамин Ионович.

Склероз снова издает стон и прячется под плед.

Майя. Оська, ты тоже работал на этом комбинате?!

Рома. Нет. Всю жизнь я ковырялся в зубах. Я работал зубным техником, как папа. Он говорил мне: «Сынок, зубы выпадают у всех, даже у членов политбюро».

Майя. Откуда же ты знаешь Есафова?

Рома. Маечка, какой же у тебя все-таки склероз!

Майя (*глядя туда, где лежит Склероз*). Еще тот!.. Но кто тебе сказал, что у меня склероз?

Рома(*изумленно*). Ты...

Майя. Когда?

Рома. Только что.

Майя. Я?! Убейте меня – не помню... Оська, а ты помнишь, как детьми мы играли с тобой в прятки?

Рома. Конечно, помню.

Майя. А давай сейчас с тобой поиграем!

Рома. Где? Здесь?!

Майя. Да. Я закрываю глаза. А ты – прячься. Быстренько!

Майя встает, закрывая глаза, Рома ищет, где спрятаться. Спрятаться практически негде. Он пытается спрятаться под плед, натывается на Склероза, отшатывается. Потом прячет-

ся, присев у Майи за стулом.

Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Кто не спрятался, я не виновата! (*Открывает глаза и сразу обнаруживает Рома.*) Нет, так не интересно. Оська, слушай, ты же помнишь нашу старую квартиру? Рома. Прекрасно помню.

Майя. Мы сейчас поиграем с тобой в прятки по памяти. Рома. Как это, я не понимаю?

Майя. Очень просто. Ты задумаешь – где спрятался в той квартире, а я буду отгадывать. Раз, два, четыре, пять. Ну, задумал?

Рома. Сейчас. Погоди. Задумал...

Майя. Я иду искать... Только играем по-честному. Оська! Ты спрятался в кладовке?

Рома. Нет!

Майя. Ты – за дверью у черного хода.

Рома. Мимо.

Майя. Я знаю! Ты у бабушки Перфиловой под кроватью. Угадала?

Рома. Ты что?! У нее там – ночной горшок стоял... Сдаешься?

Майя. Ладно, сдаюсь. Где ты спрятался?

Рома. В коридоре стоял сундук Мищуков. Помнишь? Я – в этом сундуке.

Майя. А как ты его открыл? Там же крышка тяжеленная.

Рома. Мне папа помог. Он тогда еще был.

Майя. А папу твоего...

Рома. Расстреляли. В том же тридцать седьмом. Но я успел сказать ему, что хочу на тебе жениться.

Майя. Ты на мне?! И что твой папа?

Рома. Я думал, он будет смеяться надо мной или ругать. А он только спросил, где мы собираемся жить после свадьбы. Ну а тебя я спросить уже не успел... Все. Извини, Маечка, мне пора. Я ведь сейчас лежу в больнице. У нас скоро обход.

Майя. Погоди, я же еще...

Рома. Ничего! Про Есафова ты расскажешь мне в следующий раз. Только я тебя прошу – вспомни что-нибудь новенькое...

Майя. Так я много чего помню!

Склероз. Майя Аркадьевна, человек торопится. В следующий раз – значит, в следующий раз.

Майя. Оська, а мы с тобой еще встретимся?

Рома. Обязательно. Береги себя!

Майя. Я тебя провожу.

Рома. Не надо, Маечка. Лучше скромные провода в дальнюю дорогу, чем пышные провода в последний путь! *(Машет на прощанье, уходит. Склероз вылезает.)*

Склероз. Надеюсь, Майя Аркадьевна, в разговоре со своим Оськой вы мной особо не страдали?

Майя. Слава богу, нет. Такие воспоминания нахлынули. Я будто помолодела на сто лет!

Склероз. Я вижу, вам понравилось, а мне не очень! Я

вам не Гриша, чтобы молча лежать и терпеть такое. Вы мне рта не давали открыть!

Майя. Естественно. Что бы сказал Оська, если бы он вас услышал и узнал, что я не одна?!

Склероз. Поймите вы, меня, кроме вас, никто не слышит и не видит.

Майя (*кокетливо*). Я не понимаю, вы что – меня ревнуете?

Склероз. Майя Аркадьевна! Я – ваш склероз. Мужчина может вам изменить...

Майя. Мне – изменить?! Боже, какая прелесть!

Склероз. Да, мужчина может изменить. А я не покину вас до последнего дня. (*Обиженно переворачивается на другой бок.*)

Звонит телефон. Майя снимает трубку.

Майя. Алло? По какому объявлению? Нет, эта квартира не сдается. Это – ошибка. Потому что я в ней живу! (*Кладет трубку, берет карандаш, записывает.*) Сказать Саше, что только что звонили по объявлению... А по какому объявлению – я уже не помню! Убейте меня!.. (*Поднимается.*) Вспомнила, врач сказал, что мне нужно развивать память. Лучше всего – разгадывать кроссворды. (*Берет газету с кроссвордом, усаживается.*) Так, ну-ка, по горизонтали. Сосуд для кипячения воды. Шесть букв. Первая «Ч»...

«Ч» – первая... Убейте меня!..

Склероз. Чайник.

Майя. Что чайник? Вы хотите чаю?

Склероз. Сосуд для кипячения воды – чайник.

Майя. Действительно, чайник. Ну, и что тут было отгадывать? Элементарно! Но для этого надо, чтобы сосуд для кипячения воды из шести букв на плечах – варил. Нет, вы все-таки скажите мне, кто выдумал старость?.. Эх! А ведь я когда-то заведовала культмассовой работой... и знаете где? Вы не поверите. На Камском целлюлозно-бумажном комбинате! И начальником у меня был золотой человек – Есафов Вениамин Ионович. Склероз (*повернувшись к Майе*). Опять?!

Майя. Но кто это помнит?

Появляется мужчина с усами – Арчил.

Арчил (*говорит с грузинским акцентом*). Я помню, Маечка. Склероз. А это еще кто?

Майя. Есафов Вениамин Ионович...

Склероз. Все... Воспоминания косяком пошли.

Майя вскрикивает, пошатывается и падает в обморок.

Арчил. Майя.

Склероз. Только этого не хватало!

Арчил и Склероз бегут к Майе.

Занавес.

Действие второе

Майя Аркадьевна лежит на диване. Над ней стоит Арчил. Поодаль сидит Склероз.

Майя (*приходя в себя*). Где я?

Арчил. Там же, где и была. Дома.

Майя. А почему я лежу?

Склероз. Потому что при диабете надо не забывать вовремя принимать пищу. И лекарства. От давления – вы приняли. А от диабета – снова забыли.

Майя. Почему же вы мне не напомнили?

Склероз. Я?! Я вам постоянно напоминаю! Хотя у меня – противоположная функция!

Арчил. Маечка, не пугайся. У тебя упал сахар. Бывает. У моего папы тоже диабет, и он тоже иногда забывает поесть. Кусочек сахара под язык – и все в порядке.

Майя. Вениамин Ионыч, неужели это вы?

Арчил. Нет. Я – не Есафов. Я – Арчил Александрович Микелтадзе.

Склероз (*встрепенувшись*). Из Цихисдзири?

Майя. Из Цихисдзири?

Арчил. Из Цихисдзири.

Склероз. Майя Аркадьевна, вам не кажется странным, что все ваши ухажеры на одно лицо?

Майя (*Склерозу*). Глупости, они даже не знакомы. Пойдите, а кто вы такой?

Склероз. О, господи, началось!

Арчил. Майя, я – Арчил. Или ты с кем-то другим говоришь?

Майя. Крутится тут один мужик постоянно, а кто, я не помню.

Арчил. Это бывает – склероз!

Майя. Как же я забыла – у меня склероз!

Арчил. Не знаю, как у вас, у нас в Грузии, когда мужчина выясняет отношения с женщиной, остальные мужчины отходят на безопасное расстояние.

Майя (*шутя*). Надеюсь, наши доблестные таможенники кинжал у вас в аэропорту все же отобрали.

Арчил. Вах! И коньяк отобрали!

Склероз. Это они погорячились.

Майя садится. Протягивает руки к Арчилу. Они тепло обнимаются.

Майя. Арчил Александрович! Как я рада вас видеть! С приходом! Но откуда вы знаете про Есафова?

Арчил. Вы мне сами рассказывали. Пятьдесят лет назад.

Майя. Я – вам?! Рассказывала?! Пятьдесят лет назад...

Не помню. Убейте меня!

Склероз. О! Выходит – я гораздо старше!

Арчил. Мы поехали на экскурсию в Мцхету. Там на горе есть монастырь, а внизу сливаются две реки: Кура и Арагви. Мы стояли над обрывом и... Ну, вспомнили? (*Обнимает Майю за плечи.*)

Склероз. Э-э, руки! (*Сбрасывает руку Арчила с плеча Майи.*)

Майя (*Склерозу*). Что вы меня трогаете?

Арчил(*думая, что это относится к нему*). Я вас не трогал! Просто было прохладно.

Арчил набрасывает на нее свой пиджак. Они становятся так, будто стоят над обрывом пятьдесят лет назад и смотрят вдаль.

Арчил(*протягивая руку*). Вот это внизу – Кура. А это – Арагви.

Майя. Чудо! Сливаются в одно целое, будто любят друг друга... Как же красиво!..

Склероз. Дешевые приемчики. Майя Аркадьевна, я был о вас более высокого мнения.

Майя (*Склерозу*). Не мешайте, лучше послушайте.

Арчил. Я не мешаю, я слушаю.

Майя (*декламирует*).

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь.

Да, мы с вами целовались, Арчил Александрович. Это я помню. Но как я рассказывала – не помню.

Склероз. Какая все-таки у вас интересная память, Майя Аркадьевна. Тут – помню, тут – не помню.

Майя (*Склерозу*). Если бы вы знали, как Арчил целовался... И усами щекотал...

Арчил. Я и сейчас еще могу... напомним... Но стихи вы же помните?

Майя. Стихи – помню, потому что мы их еще в школе учили. А кто автор этих стихов?.. Кто?.. Склероз.

Склероз (*отзывается*). Что?

Арчил. Вспоминайте!

Склероз. Я-то помню.

Майя. Пушкин!

Склероз. При чем здесь Пушкин?

Майя. Я вспомнила. Это стихотворение про две реки написал Пушкин.

Арчил. Нет, Маечка. Не Пушкин.

Майя. Не Пушкин?! А кто же тогда?

Арчил. Эти стихи написал – Лер...

Майя. Лер...

Арчил. Мон...

Майя. Мон...тов! Лермонтов!

Склероз. Михаил...

Майя. Михаил...

Арчил. Ю...

Майя. Рьевич!

Склероз. Фу-у!

Арчил. Эти стихи написал Михаил Юрьевич Лермонтов.

Об одном жалею: Лермонтов – в Грузии был, рядом – был, а в Цихисдзири – так и не заехал!

Склероз. Ему профсоюз путевку не дал.

Майя (*хихикнув*). Что, ему профсоюз путевку не дал?

Арчил(*обиженно*). Слушай, Лермонтов – великий классик литературы, зачем так шутишь?

Майя. Не обижайтесь, Арчил. Лермонтов – классик! И я тоже – классик. Наша участковая врач сказала, что у меня – классический склероз. Зато Альцгеймера – нет!

Арчил(*осторожно*). Альцгеймер – это был ваш муж?

Майя. Вы почти угадали. Только он был не Альцгеймер, а – Альтшуллер. И не муж, а сосед. Я всех своих довоенных соседей помню и могу назвать хоть сейчас. Впрочем, кому это интересно?.. А я сперва приняла вас за Есафова Вениамина Ионовича. Я вам о нем еще не рассказывала?

Арчил. Нет... Не особо так... Не подробно...

Склероз. Майя Аркадьевна! Грузины употребляют мно-

го вина. Благодаря этому они значительно реже страдают атеросклерозом. Алкоголь растворяет склеротические бляшки.

Майя. Значит, пенсионерам надо больше пить?

Арчил. Маечка, ты хочешь выпить?

Склероз. Заняться профилактикой атеросклероза при помощи алкоголя не выйдет: алкоголь гарантированно вызовет другие, не менее опасные заболевания сердца и печени.

Майя (*Арчилу*). Не знаю. Говорят, от вина сердце и печень можно повредить.

Арчил. Да, это правда. У моего папы – как раз больная печень и сердце пошаливает. Ему – сто три года. Так я наливаю. Вино на таможне не тронули.

Арчил достает бутылку. Склероз ставит фужерчики.

Склероз. Наливай!

Майя. Есафову, наверное, сейчас было бы не меньше, чем вашему папе. Он был золотой человек! Вы не обижайтесь, Арчил Александрович, но я знаете о чем подумала. Есафов был, откровенно говоря, не очень красивый мужчина. А вы – очень красивый. Но к старости – все подравниваются... Красавец – немного дряхлеет, а не красавец – становится благообразнее. Я когда-то была в Сухуми, в обезьяньем питомнике. Вы там не были?

Арчил. Как?! Мы же с вами вместе ездили. У нас была туда экскурсия.

Майя. Да? Но вы, наверное, не обратили внимания, а я обратила. Все молодые обезьянки выглядят и ведут себя по-разному, а все пожилые обезьяны – одинаково и похожи друг на друга.

Арчил. Да. У нас в Грузии все старики похожи друг на друга. И немного на обезьяну. И ваш друг, Роман, тоже похож на меня.

Майя. Рома Оськин? А его вы откуда знаете?!

Арчил. Он выходил от вас, и мы познакомились. Он же был у вас в гостях.

Майя. В гостях у меня был Ромка Оськин? Убейте меня! Но если вы говорите – вы же не станете меня обманывать.

Арчил. Не стану. Я вас и пятьдесят лет назад не обманул.

Майя. Не обманули... И между прочим, зря...

Арчил. Зря?!

Склероз. Какая любопытная информация. Оказывается, Майя Аркадьевна, вы еще одного, как Гришу, – продинамили.

Майя (*Склерозу*). Послушайте, грузины – вспыльчивые, если он услышит, что вы сказали, он вас и без кинжала зарежет...

Арчил. Вы сказали – зря?! Маечка, вы же любили Есафова!

Майя. Что вы, Арчил, у него было трое детей!

Арчил. Подумаешь – трое. А у меня – семеро!

Склероз (*наливая себе*). Ого! Предлагаю выпить за всех

семерых детей. По одному.

Майя. Уже семеро, Арчил?! Тогда было еще четверо. Правда, вы об этом не сразу сказали.

Арчил. Меня Тамрико, старший инструктор, попросила. Она сказала: «Арчил, имей совесть! Девушки приезжают к нам издалека – отдохнуть. Зачем их сразу так расстраивать?!»

Склероз (с *интересом придвигаясь*). И вы их не расстраивали?

Арчил(*продолжая мечтательно вспоминать*). Эх, откуда только не приезжали: из Москвы приезжали, из Харькова приезжали, одна – даже с Камчатки прилетела. И все – бледные, уставшие, смотреть жалко. Никогда не расстраивал!

Майя. И вы всех любили?

Арчил. Фруктами угощал, вино домашнее наливал, песни пел: «Тбилисо, мзис да вардебис мхарео»... Любил всех, а не расстраивал только тех, кто хотел.

Майя. Я тоже в Грузию на отдых приезжала.

Арчил. Э-э, вас, Майя Аркадьевна, я навсегда запомнил. Вы – первая женщина, которая сказала мне: «Арчил, – нет!»

Склероз. Ну, не вам первому она это сказала.

Майя. И вы обиделись?

Арчил. Я?! Я не обиделся. Нет... Хуже: я – не понял. И до сих пор не до конца понимаю. Зачем вы тогда сказали – «нет!», а сегодня говорите – «зря»? Зачем, а?

Майя. Я так сказала?! Убейте меня!..

Склероз. Пятьдесят лет – это даже по самым тяжким преступлениям – двойной срок давности прошел.

Арчил. Извините, погорячился. Зачем убивать... Я тогда расстроился, работать не мог. Потом к Тенгизу, директору, пошел. Рассказал. Все, говорю, квалификацию потерял – увольняй меня. А он говорит, я давно этого момента ждал, Арчил. Теперь я могу спокойно на пенсию идти. Так я после Тенгиза директором турбазы стал. Потом двух турбаз. Потом директором куста турбаз.

Майя. Значит, я вам помогла – приятно. А как же отдыхающие, стали жаловаться?

Арчил. Зачем?! Я директором был и еще немножко инструктором, по совместительству.

Склероз. Фу, отлегло...

Майя. Смешно кто-то сказал, что мне везло на мужчин с детьми. Но кто, понятия не имею!

Арчил. Это Рома Оськин сказал. Запишите, что он сегодня у вас был и таблетки вы уже приняли.

Майя. Откуда вы знаете? Хорошо, сейчас запишу. *(Пишет в тетрадь.)* Приходил Оська. Мы хорошо пообщались. Но о чем, я не помню.

Арчил. И меня запишите. Приходил Арчил Александрович...

Майя. Арчил Александрович... Есафов. Шучу – Микелтадзе!

Арчил. А все-таки хорошо, что мы с вами тогда встрети-

лись и расстались. Я бы здесь жить никогда не мог. У вас – шумно. А у нас, в Цихисдзири – тихо. Птица пролетит – слышно. И тепло. Я круглый год на воздухе сплю.

Майя. А у нас самолет пролетит – не слышно.

Арчил закрывает глаза, дремлет.

Устал... Тоже уже не мальчик.

Склероз (*глядя в свой смартфон*). Цихисдзири – село, расположенное в Мухранской впадине, на берегу реки Ксани. По данным последней переписи, численность населения села Цихисдзири составляет тысяча шестьсот тридцать пять человек. Майя Аркадьевна, только вас там и не хватало!

Майя (*Склерозу*). Что вы понимаете? Арчил так красиво ухаживал: цветы дарил. А вы за столько лет хоть раз цветы мне принесли?

Склероз. Знаете, я вам не муж! Зато я вам какие воспоминания дарю! Если бы не я, у вас бы так память о давних событиях не обострилась.

Майя. Так эти воспоминания у меня благодаря вам?

Склероз. А благодаря кому же? Если я уйду, Майя Аркадьевна, – вы будете искать меня в каждом углу.

Арчил(*просыпается*). Да, мне пора уходить. Я только хотел спросить вас, Маечка, вы были счастливы?

Майя. Мой папа вернулся живым с войны, у меня была интересная работа, и еще у меня был Есафов Вениамин

Ионович.

Это все – счастье!.. Ой, Арчил Александрович, чуть не забыла. Посидите еще, не спешите. Я же вам про Есафова так толком и не рассказала.

Склероз. Может, не надо?

Майя. Надо! Первого января тысяча девятьсот пятьдесят второго года я опоздала на работу. Многие не знают, что первое января когда-то – был рабочий день.

Склероз. Первого января – рабочий день?!

Майя. Представьте себе.

Склероз. Не могу. Воображения не хватает.

Майя. Тем не менее так было, и утром я проспала. А за это могли тогда и посадить. И Вениамин Ионович сказал, что он лично предоставил мне отгул и забыл отметить. Ему дали выговор, а мне ничего не было! Золотой был человек.

Арчил. Не то слово! А я вам подарок привез.

Майя. Какой?

Арчил. Вспоминайте, вы говорили, что это самое вкусное грузинское блюдо.

Склероз. О, значит – вкусно поедим! Что вы привезли?

Майя. Я помню, после поездки в Грузию, я научилась делать чахохбили. Вы привезли чахохбили?

Арчил. Как я мог это привезти? Чахохбили едят сразу! Еще горячим.

Майя. А фаршированную рыбу – холодной.

Склероз. Майя Аркадьевна, даже не начинайте!

Арчил. Я не рыбу привез.

Склероз. А что же? Не томите!

Майя. Чурчхелу?

Склероз (*разочарованно*). А-а...

Арчил. Вспомнили! Я вас тогда угощал. И вам понравилось. (*Вручает чурчхелу.*) Вот – настоящая грузинская чурчхела, на память. Ну, мне пора. Нахвамдис, дорогая Майя Аркадьевна! Нахвамдис, значит – до свидания!

Майя. Гамарджоба, Арчил Александрович!

Арчил. Гамарджоба – это здравствуйте.

Майя. Знаю. Я и хочу, чтобы вы и ваша Грузия долго здравствовали! Мы еще встретимся!

Арчил. Обязательно! А еще специально для вас я приготовлю и привезу лобио. Его едят холодным. Пока! (*Целует Майе руку и уходит.*)

Майя обращает внимание на недопитую бутылку. Присаживается к столу. Майя. Допьем?

Склероз (*сидясь напротив*). Допьем. Я вижу, вы совсем разгулялись. (*Разливает вино себе и Майе.*)

Майя. Видели, каким успехом я пользовалась? Можно сказать – международным.

Склероз. Сказать можно все что угодно. Хотел еще спросить: а почему это все ваши ухажеры – такие молодые?

Майя. Потому что я их такими запомнила.

Звонит телефон. Майя снимает трубку.

Алло? Нет, эта квартира не сдается. Потому что я в ней живу! И нечего сюда больше звонить. (*Кладет трубку.*) Голос как у Нади. По-моему, она спит и видит, когда я освобожу жилплощадь.

Склероз. Майя Аркадьевна. Надя – это жена Саши, вашего племянника. И она не работает. Саша один тянет семью. А у вас квартира. Я ее понимаю... Но эти объявления давал я.

Майя. Вы?! Зачем?

Склероз. Потому что мне надоели ваши бесконечные романы, и я от вас ухожу!

Майя. Куда?

Склероз. Куда... Куда захочу! Мне столько мест предлагают. Склероз нынче так помолодел. Экология, что ли. Со всем молодые страдают. И, кстати, интересные женщины.

Майя. Как же вы уйдете? Вы же сами говорили, что склероз так не проходит.

Склероз. Не волнуйтесь, Майя Аркадьевна, без болезни не останетесь. В таком возрасте вам кого-нибудь другого пришлют. А может, и целый букет хвороб. Вы же говорили про букет.

Майя. Я говорила про цветы. И потом, я не хочу никого другого, я к вам уже привыкла. Разве мы плохо с вами жи-

вем?

Склероз. Я тоже думал, что неплохо. Даже к Есафову я как-то привык. Но тут к вам просто паломничество каких-то мужиков началось.

Майя. Есафов – это совсем другое дело... Это был золотой человек!

Склероз. Да, что-то вы давненько ничего про Есафова нам не рассказывали!

Майя. Хороший человек как хорошая песня – не забывается. Вспомнила: у нас на целлюлозно-бумажном была художественная самодеятельность и хор под названием «Целлюлоза».

Склероз. Чего у вас на комбинате только не было: и хор, и спирт!

Майя. Наш хор был лауреатом Всесоюзного конкурса самодеятельных хоров! Меня привел туда мой начальник Вениамин Ионович Есафов. Я вам про него рассказывала? Да? Убейте меня!.. Я стеснялась, а он сказал: «Майя. Это ваше партийное поручение!»

Склероз. И вы перестали стесняться?

Майя. Этого я уже не помню, зато помню, как мы пели гимн Камского целлюлозно-бумажного комбината. *(Поет.)*

Целлюлозно-бумажный,
Для страны крайне важный,
Целлюлозно-бумажный наш родной комбинат.
Коллектив здесь отважный,

Боевой и бесстрашный,
И работать на совесть каждый в нем очень рад!

Склероз (*потрясенно*). Что это было?

Майя. Я же вам сказала – гимн. В начале каждого рабочего дня по репродуктору он звучал на весь город. А у Вениамина Ионовича был очень красивый баритон. И в хоре мы стояли с ним рядом.

Входит Есафов.

Есафов. Майя Аркадьевна, я услышал наш гимн. Я не мог не прийти.

Майя. Вениамин Ионович, это вы?! Не может быть...

Есафов. Да, Маечка, это я.

Склероз. Оп-па! Явление Есафова народу. Это уже перебор! А если я начну всех подряд звать в дом, что будет?

Е с а ф о в (*Склерозу*). Послушайте, вы не могли бы уйти, мы хотим остаться вдвоем. Мы не виделись шестьдесят лет.

Майя (*мечтательно*). Я тогда была еще совсем девочкой.

Склероз. В двадцать восемь – девочкой?

Есафов. Вы уйдете?

Майя. Уйдите! Неужели вы не понимаете? Это же – Есафов!

Склероз. Какой Есафов? Вспомните, сколько ему лет! Крас-нокамск – не Цихисдзири, там столько не живут. К то-

му же он меня видит. Майя Аркадьевна, вы вызываете духов?

Майя. Нет, это Есафов, я его узнала.

Склероз. Майя Аркадьевна, я обещал, что буду с вами до вашего последнего дня. Вы действительно хотите, чтобы я ушел?

Майя. Да.

Склероз. Значит, вы понимаете, что?..

Майя. Да.

Склероз. Хорошо, если вы так хотите, я уйду. Только можно один вопрос? Скажите, откуда у вас такое странное отчество – Ионыч?

Есафов. От папы. И чтобы больше вопросов не возникало, могу вам сообщить: ничего вкуснее, чем фаршированная рыба в исполнении Майи Аркадьевны, я в своей жизни не ел!

Склероз. Вам больше повезло. Меня она кормила хуже. *(Уходит.)*

Майя протягивает руку, Есафов пожимает ее.

Майя. Наконец-то! Вениамин Ионович, проходите! Я так рада! Я знала, что мы с вами еще встретимся.

Есафов. Все люди рано или поздно встречаются. Если не на этом свете, так на том.

Майя. А мы на каком встретились?

Есафов. Не будем, Маечка, о грустном. Раньше нам и не

стоило видеться. Ведь вы были в меня влюблены?

Майя. Я?! Нет. Что вы! Нет. Ведь у вас были дети, жена. Как я могла?

Есафов. Время такое было, мы оба не могли. Но я думал – вы меня быстро забудете.

Майя. Если бы вы знали, Вениамин Ионович, какой у меня жуткий склероз. Я ничего не помню. Но вас я никогда не забывала.

Есафов. А помните, как я принимал вас на работу?

Майя. Да.

Есафов. А как я принимал вас в партию?

Майя. Разумеется.

Есафов. А как мы ездили на «Кармен»?

Майя. Конечно! В антракте вы купили всем по стакану крющона.

Есафов. Это в первом антракте...

Майя. Ой, вспомнила! Как же я могла забыть. Во втором антракте мы снова пошли в буфет, и вы купили всем женщинам мороженое. Оно было в вафельных стаканчиках, такое вкусное. Сейчас такого мороженого уже не делают.

Есафов. Да. А в третьем антракте?

Майя. В каком третьем?.. Больше антрактов не было.

Есафов. В том и дело, что был. «Кармен» – опера в четырех действиях. Поэтому антрактов было три.

Майя. Убейте меня! Я не помню!

Есафов. В третьем антракте мы с вами оказались в буфете.

те вдвоем. Там стояло «Советское шампанское» с медалями на этикетке. Вы сказали, что никогда раньше такое шампанское не пили. И вы так на него смотрели, что я купил бутылку шампанского...

Майя. Оно было дорогое?

Есафов. Дорогое, у меня даже немного не хватило денег. Но вы, как говорят, домазали. А потом вы быстро выпили эту бутылку почти в одиночестве, потому что я шампанское не люблю.

Майя. Мама дорогая! А дальше...

Есафов. А дальше, когда Хозе убил Кармен, вы начали рваться из нашей ложи на сцену. Вы достали из сумочки какой-то длинный ключ и грозились вонзить его Хозе в его толстое брюхо. Тенор, который пел партию Хозе, был полноват.

Майя. Он был толстый!

Есафов. Потом вы стали плакать и успокоились только тогда, когда Кармен ожила и вышла на поклонны. Но успокоились ненадолго. В поезде я положил вас на нижнюю полку, но вы постоянно рвались лечь ко мне на верхнюю.

Майя. Я?! Это все – я?!

Есафов. Ну не я же! Вы громко объявили, что лучшей кандидатуры вы не видите и вы решили отдать мне свою девичью честь. Причем прямо здесь, на верхней полке плацкартного вагона «Пермь – Краснокамск». Вы сказали: «Веня, я твоя навеки!» Девочки из лаборатории смотрели на вас с ужасом. Проводница грозилась ссадить, хотя поезд шел без

остановок... Когда вы, наконец, утихомирились, я договорился со всеми, что, если утром вы не вспомните, мы все тоже будем о происшедшем молчать. Но я после той поездки впервые обратил на вас внимание.

Майя. Да?!

Есафов. Мне казалось, что вы – серая мышь и синий чулок одновременно. И вдруг – вас будто кто-то раскрасил в яркие цвета. И я стал заходить к вам в лабораторию по поводу и без повода... Чтобы только увидеть вас.

Майя. А я бы никогда не решилась, Вениамин Ионович, даже близко подойти к вам, если бы не та поездка. Шампанское было чудесное, сейчас такого не делают. Но шампанское не брало меня! Я пила и не пьянела. И тогда я решилась на крайние меры. У меня в сумочке был флакон духов «Красная Москва». Но там не было духов. Перед поездкой я налила в него спирт. И, когда вы отвернулись, я добавила себе в фужер с шампанским спирт.

Есафов. Спирт?! Так вы все продумали заранее?

Майя. Нет, конечно... Я думала, в поезде, на обратном пути, скажу, что у меня с собой есть, и вы похвалите меня за предусмотрительность. Я так мечтала, чтобы вы меня заметили... Я и выпила только для того, чтобы так не робеть, когда вы рядом... Кстати, Вениамин Ионович, вы были тогда в этом самом костюме!

Есафов. Это еще довоенный, я купил его на свадьбу. Если бы я ушел из семьи и мы с вами сыграли свадьбу, я все

равно был бы в этом костюме. Но я не мог, поверьте.

Майя. Верю. Я тоже не могла. А костюм у вас красивый. Вам идет.

Есафов. А можно я сниму пиджак, мне жарко.

Майя. Конечно. Простите... Я – сейчас... *(Выбегает.)*

Майя *(голос)*. Одну минутку!

Есафов. Жду!

Майя *(голос)*. На столе осталось грузинское вино. Вы можете себе налить.

Есафов. Спасибо. Я уже выпил. Коньячку немного, для храбрости. Хотел спирт по старой памяти, но сейчас такого спирта, как был у нас, уже не делают.

Есафов снимает пиджак и остается в рубашке с галстуком. Осматривается – и тут появляется Майя Аркадьевна, ослепительно помолодевшая, в туфлях на каблуках. Возможно, в шляпке. Они смотрят друг на друга влюбленными глазами. Звучит вальс или танго.

Вы?

Майя. Я.

Есафов. А можно мы не пойдем сегодня в оперный и останемся дома?

Майя. Конечно.

Есафов. Разрешите?

Майя. Пожалуйста.

Есафов и Майя Аркадьевна танцуют, нежно глядя друг на друга. Вдруг Майя Аркадьевна останавливается.

Вениамин Ионович, что же это мы с вами? На пионерском расстоянии. Еще подумают – какие-то старички танцуют. Может, зажжем?

Есафов. Какие вы слова знаете... А чего, можно! Зажигай, Маечка!

Есафов и Майя Аркадьевна под зажигательную современную мелодию выдают «танец-модерн».

Майя (в *танце*). Вениамин Ионович, вы не помните, а ведь мы с вами, по-моему, так ни разу даже не поцеловались?

Есафов (в *танце*). Я вас целовал. Только в щечку, Маечка. И то – по праздникам.

Майя Аркадьевна резко останавливается. Музыка микшируется.

Майя. Тогда у меня предложение: а давайте-ка с вами поцелуемся. Прямо сейчас!

Есафов. Прямо сейчас... А какой сегодня праздник?

Майя. Зачем нам праздник? Мы же не в щечку...

Есафов(*копируя Майю в поезде*). Майя Аркадьевна, ну

что вы? Мне так неловко. Не стоит.

Майя. Ах, Вениамин Ионович! Вы кого угодно уговорите!

Они приникают друг к другу. Гаснет свет на сцене. На авансцене появляется Склероз.

Склероз. Однажды у Майи Аркадьевны меня подстерегал сюрприз. Она достала и показала мне старое фото. На фото какой-то невзрачный человек стоял на фоне заводских труб.

На заднике появляется фото.

Посмотрите, сказала она, это мой начальник – Вениамин Ионович Есафов. Я вам про него еще не рассказывала? Я взял фото и стал присматриваться. На вид мужчине было лет сорок пять. Высокий тестостерон, тогда об этом мало знали, позволил Есафову приобрести устойчивую лысину, которая была на фото, и четверых детей, которых на фото не было. Мужчина был худ. Черный костюм, вполне возможно еще довоенный, сидел на нем мешковато. Вениамин Ионович улыбался и смотрел на меня. А я думал. Я думал о том, что отчество «Ионыч» я встречал до этого только в рассказе у Чехова. И что Чехова я знаю, хотя никогда не видел, и Есафова знаю. Но Чехов, чтобы я о нем знал, делал все возможное: писал пьесы, повести и рассказы, приобретал усадь-

бы, которые стали потом музеями, а Вениамин Ионович и не подозревал, что некто я, отстоящий от него на много лет и километров, будет его знать и помнить. Значит, для того, чтобы о тебе помнили, необязательно быть Чеховым, достаточно быть просто Есафовым...

Склероз исчезает. Вдруг Майя резко отстраняется от Есафова, хватает телефон.

Майя. Пойдите! Я вспомнила! Я должна сделать последний звонок. Это важно! Алло!

Саша (*голос по телефону*). Майя Аркадьевна, вы? Откуда, мне сообщили, что...

Майя. Саша, не волнуйтесь, вам все правильно сообщили! Эти врачи – что они могут? Особенно когда подошел срок. Хотя, вы знаете: умерла – не умерла, это еще большой вопрос... Когда-то все думали, что один человек тоже умер, а на третий день он воскрес... Шучу, это, конечно, с еврейским счастьем, но не с моим. Но не это самое удивительное. Слушайте, Саша. Вдруг! Внезапно! Перед уходом... Я не знаю, как получилось, но я вспомнила! Я вспомнила – это вы принесли мне яблоко!! Верно?

Саша. Верно... Майя Аркадьевна, у вас прошел склероз?!

Майя (*оглядываясь*). Да, его нет. Он исчез. Но в конце концов, что здесь удивительного? Склероз – это болезнь. И я, наверное, успела от него выздороветь!

Саша. Майя Аркадьевна, это первый в мире случай, когда склероз отступил!

Майя. Кто-то же должен быть первой?! Почему не я? Убейте меня...

Саша. Зачем мне вас убивать?

Майя. А квартира? Впрочем, теперь делайте с моей квартирой что хотите!.. Я только вот что еще должна сказать. Если жизнь – это корабль, который рано или поздно пойдет ко дну, то память – это крыса, которая бежит с тонущего корабля первой, а юмор – это капитан, и он уходит последним с гордо поднятой головой. А вот с кораблем, даже когда он опускается на дно, навсегда остается только одно – любовь...
Вениамин Ионович Есафов!

Есафов снова подходит к Майе. Майя Аркадьевна кладет трубку.

Есафов. Я здесь, Маечка.

Майя. Вениамин Ионович! Я вам так и не сказала. Я вас – любила!!! *(Поет, вспомнив все слова.)*

Отцвели уж давно хризантемы в саду,
Но любовь все живет в моем сердце больном.

Есафов *(поет как бы в ответ)*. Сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер, Майя...

Майя Аркадьевна кладет голову Есафову на плечо, он обнимает ее за плечи, и они уходят. В миноре звучит мелодия гимна целлюлозно-бумажного комбината, и гимн звучит лирично. Так что непонятно: то ли это гимн, то ли – реквием...

Целлюлозно-бумажный,
Для страны крайне важный,
Целлюлозно-бумажный наш родной комбинат.
Коллектив здесь отважный,
Боевой и бесстрашный,
И работать на совесть каждый в нем очень рад!

Свет гаснет, затем медленно зажигается. Это рассветает. Появляется Склероз.

Склероз. Собственно говоря, мне нечего больше сказать... Но болезни сентиментальны. Они привязываются к людям. И так не хочется с ними расставаться. Давайте вспомним еще одно утро.

На софе под одеялом, как в самом начале, лежит Майя Аркадьевна. К ней подходит Склероз.

Майя Аркадьевна, просыпайтесь!

Майя. Зачем? Мне так хорошо. С вами и с тем, что я помню. Воспоминания – это не так мало, согласитесь.

Склероз. Конечно. Немало...

Майя. Совсем немало. Это все, что у меня осталось. Да...

Старость дается человеку один раз, и до нее надо дожить!..

Только непонятно: зачем?

Склероз. Как зачем?

Майя. Зачем, если всех, и даже вас, я только раздражаю.

И почти все, с кем мне хочется общаться, уже умерли. Нет, уходить из жизни, как уходить со сцены или из спорта, нужно вовремя.

Склероз. Майя Аркадьевна, прежде всего в вашем возрасте нужно соблюдать режим. Утром нужно завтракать и принимать лекарства.

Майя. Я не хочу. Помните, я вам рассказывала про свою соседку, Таисию Карловну. Она не выходит у меня из головы.

Склероз. Майя Аркадьевна, не забывайте, она была одинока. А у вас есть я! Вы хотите жить сегодняшним днем?

Майя. Теперь все говорят, что надо жить сегодняшним днем.

Склероз. Они просто еще не поняли, что жить только сегодняшним днем – это... так скучно.

Майя. Невыносимо скучно.

Склероз. Жутко скучно... Все, Майя Аркадьевна, довольно. Слушай, старуха, мою команду: рота, подъем!

Майя Аркадьевна поднимается и садится в постели.

Отлично! Майя Аркадьевна, вы уже встали?

Майя. Я уже сижу.

Склероз. Бортовые системы работают нормально?

Майя смотрит в свою тетрадку.

Майя. Восемь тридцать – я встала. А больше пока ничего не было.

Склероз. Будет. Если бы у вас так работала голова, как работает...

Майя. Фи, а еще говорят, склероз – это болезнь интеллигентных людей.

Склероз. Это вы сказали.

Майя. Какая разница! Не придирайтесь. А где мой халат?

Склероз. Никакого халата! Только платье. Вот это – надевайте! Узнаете? (*Подает Майе старое подвенечное белое платье.*)

Майя. Да! Это же – подвенечное платье моей мамы. Оно чудом сохранилось... Но как же я оденусь?.. При всех...

Склероз. Эх, что бы вы без меня делали?! Я вас прикрою!

Склероз поднимает одеяло и закрывает Майю от публики. Она надевает платье.

Майя. Я готова.

Склероз опускает одеяло. Майя в подвенечном платье ря-

дом со Склерозом.

Склероз. Супер, Маечка! И у меня к вам – предложение. Давайте сделаем с вами финальное селфи.

Майя. А что – давайте! Отличная идея! И пусть нас забросают лайками!

Склероз. Забросают, уж будьте уверены. Никуда не денутся!! Ну-ка!

Склероз обнимает Майю, достает смартфон и щелкает. Склероз и Майя замирают.

На заднике сменяют друг друга их селфи.

Конец.

Ноябрь 2014 – май 2015 – январь 2016

Александр Володарский.

Орловская порода

Пьеса в двух действиях

Действие первое

На заднике переливается огнями внушительный логотип фирмы – «ORLOV». Рядом висит большой портрет изобретателя швейной машинки Зингера. Легкая музыка. На сцене – фуршет. Тусовка – все участники спектакля. В руках гостей – бокалы с напитками, закуски. В центре событий – кутюрье Феликс Орлов, по виду – уже немолодой, но молодящийся мужчина, в безукоризненном фраке. К нему подходят, поздравляют, с ним чокаются, дарят цветы, подарки. Возможно, портрет Зингера не висит, а Феликсу Орлову его дарят.

Феликс Орлов (*указывая на портрет*). Дорогие друзья, коллеги! Минутку внимания! Скажите, кто этот могучий старик?

Гость 1. Исаак Зингер. Изобретатель швейной машинки.

Феликс Орлов. Верно! Но Зингер не изобретал швейной машинки и не утверждал этого. В середине девятнадцатого века уже были швейные машинки. За десять дней, которые «потрясли мир» и сделали его богачом, Зингер усовершенствовал конструкцию этих моделей. Он расположил челнок горизонтально, благодаря чему нить перестала запутываться. Придумал столик-доску для ткани и ножку-держатель иглы – это позволило делать непрерывный шов. А также снабдил машину ножной педалью – освободив наши руки. Первый «Зингер» был продан за сто долларов. Это был уникальный случай, когда первый образец не только окупил все затраты на разработку, но и принес прибыль.

Гость 2 (*поднимает бокал*). За отца всех закройщиков и портных – Исаака Зингера! И за главу дома моды «Орлов» – кутюрье Феликса Орлова!

Гости аплодируют, выпивают.

Феликс Орлов. Вот так же и дом моды «Орлов» начался не с меня... В небольшом домике, на окраине еврейского местечка, где жила семья Орловых, в том углу, где у православных обитателей городка висели иконы, висел портрет этого человека. В нашей семье шили все. В десять лет мой отец сам сшил себе костюм. Его дед говорил ему, что он очень способный. Но потом жизнь отца сложилось так, что он никогда не брал в руки иголку. Недавно мой отец ушел...

Домашние в детстве звали моего папу – Шуня, Галя-молочница – Сашко, в метрике было написано – Шимон.

Неожиданно появляется Мама— молодая женщина, обительница местечка начала XX века. Она явно кого-то ищет.

Мама(*кричит*). Шуня! Шуня! Гей эсенн!

Присутствующие в недоумении пропускают ее, отходят в сторону, в темноту... Гаснет логотип. Тусовка на сцене быстро внешне преобразуется – это уже обитатели старого еврейского местечка.

Обитатель 1. Это был обычный городок, местечко. Кто не в курсе, гуглите Википедию и читайте сами: «Местечко – небольшое поселение полугородского типа в Восточной Европе с преобладающим еврейским населением».

Пока он говорит этот текст, звучит музыка или песенка о еврейском местечке, и сцена усилиями актеров при помощи несложных декораций быстро превращается в этакое «шагаловское» местечко.

Мама(*чуть громче*). Шуня! Шуня! Гей эсенн!

Обитатель 2. Местечко на идиш – штэтл. Основным языком еврейских местечек на Украине или в Украине, как

вам нравится, – был идиш.

Обитатели местечка как бы оживают и начинают говорить всякую белиберду на идиш типа: «Вифль костен? А за юр оф мир! Зай гезунд! А гитэ нахт!»

Обитатель 3. Но мы не будем вас утомлять. Откуда вам знать этот язык – идиш?! Лучше учите себе английский – точно не пропадете.

Обитатели переходят на комичный английский: «Йес, сэр! Хау ду ю ду, сэр! О'кэй, мисс! Гуд найт, лэди Хая!»

Обитатель 4. А еще лучше китайский – не пожалеете!

Обитатели переходят на китайский: «Ни хао! Ванг шанг хао! Дзай дзиан! Се се!»

Мама. Шуня! Шунечка! Иди кушать!

Появляется мальчик лет пятнадцати, подбегает к маме. Мама целует его.

Орлов-мальчик. Иди, мамочка, я сейчас!

Орлов-мальчик идет дальше. Ему навстречу – Галя-мо-

лочница, молодая красивая деваха с бидоном.

Галя. Сашко! Який же ты гарный хлопчик! Просто красунчик!

Орлов-мальчик. Ты тоже, Галя – а шейнэр мэйдэлэ! Галя. Шо?

Орлов-мальчик. Я сказал – красивая ты девушка.

Галя(*смущенно*). Да ладно тобі...

Орлов-мальчик. Честное слово, могу перекреститься, я умею... (*Испуганно глядя на грудь девушки.*) Ой, Галя, а что у тебя тут? Галя. Ой, шо?!

Галя так же испуганно начинает рассматривать себя. Пользуясь этим, мальчик нахально хватает ее и целует.

Куды?! От нахал! (*Отталкивает его.*)

Орлов-мальчик. Я не нахал, я – серьезно. Замуж за меня пойдешь?

Галя. Замиж?! Тю! Такяжнэ ваша!

Орлов-мальчик. Ну и что? У тебя какая фамилия?

Галя. Червяк.

Орлов-мальчик. Червяк?! Что это за фамилия?! Выйдешь за меня – будешь Орлова! Как я!

Галя. Орлова... Гарна хфамилия. А звидки утэбэ така хфамилия? Кругом – люды, як люды: Вайсфельды, Розенбла-ты, Табак-махеры. А вы еврэи – и Орловы?! Може твий дид

Арон – граф? А?!

Орлов-мальчик. Считаю, что граф! Арон Орлов – звучит?! Ну, так как, пойдешь за меня?

Галя. А шо, може и пиду! Зарады хфамилии. Ты тильки давай, пидростай скорише! Красунчик! (Со смехом чмокает «жениха» и уходит, с улыбкой оглядываясь на него.)

Орлов. Подросту! Ты, главное, жди!

На сцене появляются двое мальчишек покрупнее, которые поджидают нашего героя.

1-й мальчик. Наглый субъект – этот портняжка Орлов! Граф недорезанный!

2-й мальчик. Давно пора этой птичке-невеличке по клюву съездить! А то шнобель у него чересчур ровенький!

Им навстречу идет Ш у н я. Мальчишки преграждают ему дорогу.

1-й мальчик. Ну, ты, орел! Дай пару копеек! На синематограф не хватает!

Орлов-мальчик. На синематограф?! Мой дед в таких случаях знает, что говорит?

1-й мальчик. И что же говорит твой дед?

Орлов-мальчик. Он говорит: «Нет денег – в синематограф не ходят!»

2-й мальчик. Ты кого учишь, шлемазл! *(Дает Шуне подзатыльник.)*

Шуня отвечает ударом, начинается драка. Подбегает щупленький мальчишка, с палкой в одной руке и камнем – в другой! Его зовут Натан.

Натан. Назад! Вы на кого наехали, шноранты! *(Угрожающе размахивает палкой.)* А ну пошли вон, а то сейчас лишнюю дырку в башке сделаю! Ну!

Мальчишки с криками «Убери палку, придурок!» убегают.

Орлов-мальчик *(отряхиваясь)*. Спасибо, Натан!

Натан*(помогая ему отряхиваться)*. Ерунда! Сегодня я тебя выручил, завтра – ты меня. Хочешь конфетку? *(Достает из кармана конфету, откусывает половину, а другую протягивает другу.)*

Орлов-мальчик. Давай! *(Жует.)*

Натан. Люблю конфеты... А ты штаны порвал!

Орлов-мальчик. Ничего, сам – сшил, сам – порвал, сам – и починю.

Натан. Ты шить умеешь. Дед научил?

Орлов-мальчик. А кто ж еще! К нему раньше ездили одежду заказывать из самого Киева!

Натан. Ого! Значит, и ты здесь на кусок хлеба себе всегда зарабатываешь.

Орлов-мальчик. Э, нет! Я в большой город поеду. Харьков или Киев. А может, и в Москву! Не знаю еще, но в Сквире точно не останусь!

Натан. Ух, ты! А можно и я с тобой? Чего здесь делать? Надоело!

Орлов-мальчик. Ладно. Отпустят – поедем вместе!

Натан. А не отпустят?

Орлов-мальчик. Не отпустят – сбежим!

Мальчики уходят. Появляется пожилой человек – Арон. Садится за швейную машинку и шьет. К шьющему старику подходят два офицера-деникинца.

1-й деникинец. Здравствуйте, господин Орлов!

Арон. Добрый день, господа офицеры! Чем могу?

2-й деникинец. Нам сказали, что вы шьете?

Арон. Интересно, почему только я? У меня в доме все шьют: жена шьет, сын шьет и даже внук неплохо шьет, но я не уверен, что он пойдет по этой линии. Он мне недавно заявил: «Дед, ты ничего не понимаешь! Сейчас все только строится, и у меня есть шанс!» А, когда я смотрю вокруг – мне кажется, что все как раз наоборот – разваливается. А как вы считаете, господа?

1-й деникинец. Никак не считаем!.. Нам сказали, что

вы отлично шьете мужские костюмы.

Арон. Ой, кто вам такое сказал? Депутат Государственной думы Родзянко или сахарозаводчик Терещенко?.. Я лично шил им костюмы... Но это, господа, было еще до революции.

1-й деникинец. Мы хотим заказать у вас новые мундиры.

Арон. Хотите не вредно!.. Вы извините, но когда мой внук говорит мне: «Дед, я хочу это!», он немедленно именно это – и не получает. Потому что – не «я хочу!», а – «дед, можно»? Почувствуйте разницу.

1-й деникинец. Господин Орлов, вы отчетливо понимаете, кто перед вами?

Арон. Ой, что тут понимать, господа офицеры, я говорю и одновременно думаю головой! Как ваш начальник Деникин, он же тоже, наверное, иногда думает. А на когда вам нужны ваши мундиры?

2-й деникинец. Вчера! Идет война, и мы не знаем, что будет с нами завтра.

Арон. Завтра... Ну, что будет с нами завтра, знает только Господь Бог... А вот что будет послезавтра, кажется, знаю я.

1-й деникинец. Что вы имеете в виду?

Арон. Послезавтра вечером вы оба зайдете до меня и заберете свои новенькие мундиры. Прямо с моей иголки!

Рива(зовет со двора). Арон! Выйди!

Арон встает.

2-й деникинец. В чем дело?

Арон. Одну минутку, господа офицеры. У вас Деникин – главнокомандующий, а у меня уже сорок лет – моя Рива, чтоб она жила еще сто лет и один год!.. Иду, дорогая!

1-й деникинец. А нельзя ли снять сперва мерку? Мы очень торопимся.

Арон. Эх, если бы Господь не так торопился, возможно, наш мир был бы хоть немного лучше. Через пять минут, господа, вы будете свободны и сможете отдыхать, как еврей в субботу! (*Выходит к Риве.*) Что, моя радость?

Рива. Арон! Возьми с них аванс!

Арон. Рива, что ты такое говоришь? Это же офицеры – благородные люди!

Рива. Тогда тем более, Арон! Возьми аванс пятьдесят процентов. Если они такие благородные, так ты уже таким благородным можешь не быть.

Арон. Хорошо, иди, мое счастье! Я все понял.

Рива. Арон, ты меня слышал?

Арон. Рива, даже когда ты молчишь, я тебя тоже прекрасно слышу! (*Возвращается обратно.*)

Во двор выходят одетые в новые мундиры деникинцы. За ними выбегает Арон.

Пардон, господа, а деньги?

1-й деникинец. Господин Орлов, не смешите нас! Какие деньги?!

Арон. Как это – какие? А за работу!

2-й деникинец. Послушайте, уважаемый, мы, по-моему, оставили вам расписку, что вам еще от нас надо?!

1-й деникинец. Если вы умеете читать по-русски, там все ясно написано!.. Что за народ?!

Деникинцы уходят. Арон возвращается в дом. Рива лежит в постели.

Арон ложится рядом, начинает крутиться и кряхтеть.

Арон. Рива, где эта расписка?

Рива. В столе.

Арон. Ты ее читала?

Рива. А что же!

Арон. И как?

Рива. Двадцать.

Арон. Что – «двадцать»?

Рива. А что – «и как»? Они пообещали, что полностью расплатятся, но только после окончательной победы над большевиками. Правда они забыли уточнить, когда будет эта победа: на йом кипур или на пурим?!

Арон крутится, вздыхает...

Арон, что ты крутишься уже целую неделю, будто у тебя в одном месте пропеллер?! Я же тебе говорила – возьми аванс!

Арон. Ты знаешь, Рива, для чего евреям еще в детстве делают обрезание?

Рива. Знаю.

Арон. Чтобы потом, когда у них будут постоянно что-то обрезать или отнимать, они к этому немного привыкли.

Рива. При чем здесь евреи, если так устроен мир: хорошему человеку – везде не особенно хорошо, а плохому – везде не особенно плохо. Ладно, Арон, забудь! Чтобы это был их последний мундир!

Арон. Не надо так говорить, Ривочка, не надо, это – грех! Пока у меня есть швейная машинка, чтоб этот Зингер на том свете был счастлив, мы всегда проживем! Просто обидно! Похоже, они нас за людей не сильно считают.

Рива. Что делать?! Когда у человека в кармане болтается пистолет, он начинает меньше считаться с другими... Ну, все! Спи, Арон! Уже светает.

Арон(*вскакивает и начинает одеваться*). Нет! Я решил! Рива, собери мне вещи. Я еду в Киев, мне срочно нужно к Деникину! (*Начинает решительно одеваться.*)

Рива. Скажи, Арон, что ты шутишь!

Арон. Когда я последний раз шутил, Рива?! Еще до революции!

Рива(*встает и хватает его за рукав*). Арон, нет! Поду-

май: где – ты, и где – Деникин?!

Арон. Рива, да! И ты знаешь, дорогая, если я сказал – да, то это таки – да, а не таки – нет!

Рива плачет, пытаясь его остановить.

Рива. Геволд! Мишигинэр, вус титсты! (*Плачет и рвет на себе волосы.*)

Арон собирается.

Арон(*сквозь плач Ривы*). Извините, но тут и без перевода с идиш понятно, что Рива кричит мужу.

Рива. Что ты делаешь, идиот! (*Плачет.*)

Арон(*уходя*). Я еду!

Рива (*в зал*). И Арон поехал! И, вы не поверите, он таки нашел ставку Деникина и добился своего. Его принял сам Деникин.

За большим столом сидит Деникин. Напротив него на стуле – Арон Орлов.

Деникин. Вы довольны, господин Орлов? Хочу еще раз принести вам свои извинения за действия моих офицеров.

Арон. Что вы, господин генерал, что я не понимаю! Идет война... Чтобы тот, кто придумал войну, туда не доехал, об-

ратно не вернулся и в дороге не остался!

Деникин. Да! Великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа. Русская смута, наряду с примерами высокого самопожертвования, всколыхнула еще в большей степени всю грязную накипь, все низменные стороны, таившиеся в глубинах человеческой души. Это, к сожалению, коснулось даже офицеров. Тем не менее, вам заплатили деньги за вашу работу?

Арон. Спасибо, ваше высокоблагородие! Заплатили. Конечно, моя работа стоит дороже, но... В общем, если вы тоже захотите новый мундир, я сделаю вам хорошую скидку.

Деникин. Господин Орлов, вы, как я разумею, еврей?

Арон. Да, слава Богу! Уже шестьдесят пять лет как один день.

Деникин. Почему же – слава Богу, ведь евреи вечно недовольны своей судьбой?

Арон. Господин генерал, я не всегда доволен своей Ривой, но неужели вы думаете, что я на кого-нибудь ее променяю?! Вот так и евреи.

Деникин. Хорошо! Тогда ответьте мне, почему ваши единоверцы в основном поддерживают большевиков?

Арон. А почему вы, господин генерал, поддерживаете царя?

Деникин. Я служу святому делу освобождения России! России, которая дала мне все. И пусть в силу неизбежных исторических законов пало самодержавие и страна перешла

к народовластию. Но нет свободы в революционном застенке и нет равенства в травле классов. И, кстати, к вашему сведению, господин Орлов, мой отец был крепостным, поэтому я гораздо ближе к пролетариям, чем всякие Троцкие и Ленины, вместе взятые!

Арон. Ну, я думаю, если бы ваш папа был евреем, стать генералом вам было бы еще труднее. Но дело не только в этом, господин Деникин. Вот мне, чтобы быть портным, нужны только мои руки, а вам, чтобы быть генералом – целая армия! Потому что любой генерал без армии – ноль, даже если он сам Наполеон Бонапарт. Махать саблями – не фокус, надо сделать так, чтобы за вами пошли живые люди!

Деникин. Должны идти! Ведь именно белый режим приносит народу свободу церкви, свободу печати, внесловный суд и нормальную школу. А ваш Бронштейн-Троцкий хочет разрушить мою Россию!

Арон. Э-э... Господин Деникин! Вы заметили, с чего начинается голова человека? С ушей! Троцкий умеет красиво говорить. А уши – слабое место не только у женщин... Как говорила моя бабушка Берта – говорите вы тоже!

Деникин. Троцкий – дешевый демагог! А я – солдат! И для меня главное – долг и приказ!

Арон. А для него главное – власть! Человек, который жаждет власти, это то же самое, что утопающий. Если не будет соломинки, он будет хвататься за пузырьки в воде, топить других, только чтобы любой ценой вынырнуть на поверхность.

А большевиков, я вас уверяю, поддерживают далеко не все наши. Потому что, как сказал один умный раввин: «Революцию делают Троцкие, а расплачиваются за нее Бронштейны».

Деникин. Тогда я тем более не понимаю, зачем ваши соплеменники так массово пошли в эту так называемую революцию?

Арон. Зачем... Потому что все в этой жизни устроено как в обычном трактире: вас привлекает меню, вы заказываете блюдо, наслаждаетесь вкусом – а час расплаты наступает потом!

Деникин. Да... Есть суд Божий, господин Орлов, а есть приговор Истории. Если мы проиграем Россию большевикам, Господь, возможно, нас простит, а вот История – вряд ли... Не смею вас больше задерживать! *(Поднимается.)*

Арон. Бога мы сердим нашими грехами, а людей – достоинствами! Да простятся нам грехи наши! Еще раз большое спасибо, господин генерал!

Деникин. А что это вы, господин Орлов, на меня так пристально смотрите?

Арон. На всякий случай, господин Деникин. Снимаю на глаз мерку.

Деникин. Мерку?!

Арон. Да вы не волнуйтесь, я же не столяр, я – портной.

Деникин. Ну-ну... Честь имею!

Уходят.

Убитая горем Рива во дворе крутит швейную машинку Арона. Появляется чуть пьяный и счастливый Арон.

Арон. Рива, Ривочка! Посмотри, что я привез!

Рива, не веря своему счастью, встает, Арон вытряхивает из саквояжа пачку денег и держит в руках документ.

Рива. Арончик! Боже мой, как же ты похудел...

Арон. Ничего страшного! Ты же знаешь, моя дорогая, я был не на курорте.

Обнимаются.

Читай, женщина!

Рива(*читает*). «Охранная грамота. Орлову Арону Лейб-Шмулевичу, оказавшему неоценимые услуги Белому движению, оказывать всяческое покровительство и защиту. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, генерал-лейтенант Деникин». (*Плачет.*) Я думала, ты уже не вернешься! И Табак-махерша говорила, что у тебя не все дома. Хотя мы все время были дома и тебя ждали.

Арон(*глядя ее по голове*). Рива, Ривочка моя! Мой дед дожил до девяноста девяти лет. Он не обидится, если я проживу хотя бы на один год больше! А эту бумагу, дорогая, возьми в рамочку!

И можешь показать ее Табакмахерше. Пусть все соседи знают, кто такой Арон Орлов!

Рива и Табакмахерша на улице.

Табакмахерша. Ой, Ривочка, ты даже не представляешь, как мы все за тебя рады!

Рива. Но почему, очень хорошо себе представляю! Я представляю, как я рада, а если вы рады даже в десять раз меньше, то все равно – это большая радость!

Табакмахерша. Не то слово! Счастье, что твой Арончик вернулся домой целый и, люди говорят, с большими деньгами?

Рива. Какие деньги, Сарочка?! Крохи, кто их видел?! Я могу сказать одно: как ни крути, а это все добром не кончится!

Табакмахерша (*согласно кивая головой*). Не кончится, Ривэлэ! Как пить дать, добром не кончится!

Рива. В Проскурове на днях был погром.

Табакмахерша. И в Коростышеве был. И в Белой Церкви был.

Рива. А в Жмеринке – целых два.

Табакмахерша. А моей невестке скоро рожать...

Рива. Да. Я ее вчера видела. Поздравляю – у вас будет мальчик!

Табакмахерша. Все так говорят.

Рива. А что тут еще скажешь. У нее такой острый живот, будто она проглотила целую саблю. Легких ей родов!..

Расходятся по домам.

Вдруг – шум. Крики: «Бей жидов! Они здесь, ломай! Прячутся, пархатые!»

Звон разбитых стекол. Черный дым. Одним словом, погром.

Арон и Рива во дворе.

Арон (*кричит*). Рива, гони всех в погреб! Прячьтесь! Быстрее!

Рива. А ты?

Арон. Я спрячусь здесь, вдруг они надумают поджечь дом.

Рива. Арон!

Арон. За меня не бойся! Они меня не тронут!

Рива. Я без тебя не пойду!

Арон. Рива! Сейчас не время спорить! Беги!

Рива убегает в дом.

Рива(*голос*). В погреб! Все – в погреб!

Арон прячется возле дома. В руке у него охранный грамота в рамочке. Мимо дома пробегают погромщики с топорами, дубинами. По улице бежит петляя беременная женщина, а за ней пьяный петлюровец с саблей на боку, в руке у него ружье со штыком.

Беременная женщина(*кричит*). Помогите! Люди! Убивают! Помогите!

Петлюровец. Стий, сучка! Стий, кажу! Стий!

Арон(*выскакивая петлюровцу наперерез.*) Мишигинэр, вус титсты!

Петлюровец. Ах ты, морда жидовская!

Петлюровец, ткнув женщину штыком в бок, подбегает к старику Орлову и всаживает ему штык прямо в грудь. Арон падает, роняет грамоту, стекло в рамочке разбивается. Петлюровец вытаскивает саблю и рубит лежащего Арона наотмашь. Затем мгновение смотрит на своих рук дело и, пьяно смеясь, бежит дальше. Женщина встает и, зажав рукой истекающий кровью бок, бежит в дом Орловых.

Беременная женщина (*кричит*). Убили! Убили!

Из дома выбегают Рива и внук.

Рива. Арон! Арон!! Арон!!!

Орлов-мальчик. Дед! Вус титсты! Вус титсты!

Они плачут над Ароном. Сквозь их плач прорывается крик новорожденного и детский плач.

Женщина*(которая была беременной)*. Мальчика, который позже родился целым и невредимым, Табакмахеры в честь старика Орлова называли Ароном. Но случилось это уже в далекой Америке, куда соседи Орловых успели сбежать...

На авансцену выходит главный герой – Орлов, выросший тот самый мальчик Шуня или Саша, как кому нравится.

Орлов. А Шуня Орлов вырос в своего деда – такой же смелый и решительный. А еще непримиримый к врагам Советской власти, которая ему все дала. В паспорте у него было написано Орлов Шимон Лейбович, а на службе его все называли Александр Леонидович. Приказом народного комиссара внутренних дел Генриха Ягоды ему было присвоено звание майора государственной безопасности.

Пока Орлов говорит и облачается в чекистскую форму, меняется декорация. На сцене появляется условный кабинет чекиста: стол, стул, настольная лампа и портрет Сталина.

Входят Орлов и Натан Гуревич.

Гуревич. Вот он, личный кабинет новоиспеченного майора Орлова! Поздравляю, Санька!

Орлов. Натан, можно подумать – у тебя нет своего кабинета!

Гуревич. Есть, конечно! Но там мы сидим вдвоем с Ванькой Пинчуком. А вдвоем это уже не кабинет, а коммуналка!

Орлов. Учитывая, капитан Гуревич, что вы – друг детства майора Орлова, вам разрешается заходить в этот кабинет без стука!

Гуревич. Подумать только, а ведь мог бы ты, как добродорядочный еврей, сидеть сейчас в своем доме, в нашей Сквире, крутить пейсы и швейную машинку деда Арона и напевать! (*Поет.*) Тум бала, тум бала, тум балалайкэ, тум бала, тум бала, тум балалайкэ, тум балалайкэ, шпиль балалайкэ, шпиль балалайкэ, фрэйлех золь зайн!..

Орлов. Нет уж! Пожили наши предки без всяких прав, в черте оседлости! Хватит! Власть переменялась. Евреи теперь такие же люди, как и все. А это серое прошлое я, Натан, зачеркнул, выбросил из головы. Все выбросил и песни тоже. Я и старикам своим запрещаю даже дома на идиш говорить!

Гуревич. А думать на идиш?

Орлов. Тут что я могу сделать?! Мне самому недавно снилось, будто я с дедом Ароном говорю. Представляешь – рассказываю ему, кем стал, как с врагами борюсь. А потом вдруг понимаю, что говорю-то я с ним по-еврейски.

Гуревич. И что дальше?

Орлов. Жена меня разбудила. Испугалась, что я во сне

разговариваю!

Гуревич. Выходит, Саня, «отречемся от старого мира»... А я только в прошлое воскресенье в Сквиру съездил.

Орлов. Зачем? По работе?

Гуревич. Нет... Так... Могилки проведать. Посмотреть...

Орлов. Ну, и как там?

Гуревич. Нормально... Живут люди. Ты Галю-молочницу помнишь?

Орлов. Конечно! Галя Червяк.

Гуревич. Добрыйвечер.

Орлов. Чего «Добрый вечер»?

Гуревич. Фамилия у нее теперь такая. Замуж она вышла. И на зоотехника выучилась.

Орлов. Правильно! Она – бойкая была... Добрыйвечер – а чего, тоже неплохая фамилия.

Гуревич. А сейчас, оказывается, она – здесь, в Киеве.

Орлов. Замминистра сельского хозяйства?

Гуревич. Нет... В психбольнице лежит.

Орлов. Не понял?

Гуревич. Зоотехником она работала в крупном хозяйстве. А весной вдруг падеж скота у них начался. И отчего – непонятно! Она и решила, что ее во вредительстве обвинят. Вот, не выдержала... Съехали мозги в сторону.

Орлов. Жалко, красивая баба была... Но глупая. Не виновата – никто бы ее не осудил... Я думаю.

Гуревич. Такие дела... Хочешь конфетку? *(Достает из кармана конфету, откусывает половину, а другую протягивает другу.)*

Орлов. Давай!

Оба жуют и думают о своем.

Гуревич. Саня, а ты понимаешь, что работа наша – временная? Вот – разоблачим всех врагов, а потом что делать?

Орлов. А что советская власть скажет, то и будем делать!

Гуревич. А что она скажет?

Орлов. Об этом, Натан, зачем думать? Придет время – узнаем. И задачу свою – выполним!

Гуревич. Выполним... Любую задачу выполним... Куда денемся...

В кабинете появляются соседи Орлова по коммунальной квартире. Орлов и Гуревич исчезают. Соседи бесцеремонно переставляют стол, притаскивают плиту, раковину, и кабинет быстро превращается в коммунальную кухню. Кто-то из соседей стоит у плиты, кто-то нарезает что-то у своего столика, кто-то прошел к себе с кастрюлей. На кухню выходит пожилая женщина, Марина Петровна, с деревянным кружком от унитаза в руке.

Марина Петровна. Кто брал мой кружок? Кто, я вас

спрашиваю! Я знаю – это вы, Долинский?

Долинский. Марина Петровна, мне интересно, как вы это определили. По отпечаткам? Тогда по отпечаткам чего?

Марина Петровна. Вы – негодяй, Долинский!

Долинский. Я ничего у вас не брал! У меня свой кружок есть!

Марина Петровна. Есть! Но ваш кружок висит на стенке справа, а мой – слева! И вы любите брать мой! Потому что мой – чище! Вы – бандит, Долинский! Бандюган с большой дороги! Вы – мерзкий извращенец!

На кухню выскакивает еще один взъерошенный сосед.

Сосед. Сколько можно орать! Я с ночного дежурства!

Марина Петровна. Ты глянь – он с дежурства?! Вы думаете, Олифер, я забыла, как летом вы взяли мой тазик для варенья и постирали в нем свои носки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.